

Валерий Ковалев

ДИВЕРСАНТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

Диверсанты

«Автор»

2018

Ковалев В. Н.

Диверсанты / В. Н. Ковалев — «Автор», 2018

За год до начала Великой Отечественной войны, в Кронштадте, адмирал Раль создал секретную группу подводных диверсантов. Для завершения подготовки она была переброшена в Белоруссию, в парашютно-десантный полк, где группу застала война. Книга подготовлена по ранее не публиковавшимся мемуарам ее участника М.А. Усатова, прошедшего боевой путь от старшины до вице-адмирала, первого заместителя начальника ПГУ КГБ СССР. Содержит нецензурную брань.

© Ковалев В. Н., 2018

© Автор, 2018

Валерий Ковалев

Диверсанты

От героев былых времен
Не осталось порой имен.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой...
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним,
Мы в груди храним...
(из песни)

Глава 1. Отряд специального назначения

Наступил 1940 год. В Западной Европе закончилась "странная война". Весенне-летнее наступление немецкой армии привело к захвату Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и, наконец, к падению Франции. Гитлер еще грозит Англии высадить свои войска на Британские острова, а сам на совещании в ставке 22 июля уже говорит: "Русская проблема будет разрешена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции".

Так зарождается замысел, который после оформится в пресловутый план "Барбаросса".

(Из воспоминаний Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова)

Над Минной гаванью Кронштадта занимался летний рассвет.

Он окрасил в пурпурные тона далекий, в тумане, горизонт, осветлив край неба на востоке, а затем, прогнав мелкую рябь по свинцовой воде, коснулся черных тел стоящих у берега субмарин.

Чуть позже со стороны входного КПП*, с черно-белым шлагбаумом, на пирсах материализовались темные строи, остановившиеся каждый против своей лодки. А на их рубках и в носу, держа в руках шкеры, застыли вахтенные.

– Бум-бум-бум! – размеренно нарушил утреннюю тишину метроном, сорвав с поверхности стылой воды облачко спящих чаек.

– На фла-аг и гюйс, смир-рна! – металлически прокатилась над гаванью, с его последним ударом, команда.

– Фла-аг и гюйс поднять!

Над мостиками рубок и острыми форштевнями кораблей вверх, на легком ветерке, плеснуло сине-белым и красным.

– Вольно! – унеслось в пространство.

Задраив за собой входной люк первого, вахтенный торпедист Юрка Легостаев привычно скользнул по стеблям трапа вниз, уселся на брезентовую разноможку* под пультом ВВД* и стал ждать спускающихся вниз сослуживцев.

Оттрубил Юрка на Балтфлоте три года (еще оставалось два) и всерьез подумывал о сверхсрочной.

Родителей он потерял в Гражданскую, воспитывался в трудовой колонии, под Харьковом, так что после службы парня никто не ждал. А флот пришелся ему по нраву.

Своими порядком и дисциплиной, морскими походами, а также настоящей мужской дружбой.

Здесь Легостаев вступил в комсомол, стал отличником ВМФ, а потом старшиной команды. Помимо основной, освоил специальность лодочного комендора, метко стреляя из сорокапятки.

Еще увлекся гиревым спортом, был кандидатом в мастера и регулярно выступал на первенство Ленинградской военно-морской базы.

Внешне Юрка выглядел тоже ничего. Рослый, косая сажень в плечах, волевое жесткое лицо с косою челкой и карие, всегда прищуренные глаза. Говорящие о твердости характера.

Его он выработал в детстве, когда был беспризорником, а затем в колонии имени Горького. Которую считал родным домом.

Через несколько минут в конце отсека металлически звякнул клинкет, в переборке отворилась узкая дверь, внутрь, согнувшись, поочередно вошли три человека.

На первом была щегольская мичманка с позеленевшим «крабом» и черный глухой китель с двумя золотыми шевронами на рукавах, на остальных выцветшие матросские робы и пилотки с алыми звездочками.

Юрка встал с разnojки, сделал по пайолам* несколько шагов вперед, а затем бросил руку к виску.

– Товарищ лейтенант, за время несения вахты происшествий не случилось! Матчасть исправна! Вахтенный торпедист, старшина команды Легостаев!

– Вольно, – пожал ему руку офицер, а пришедшие с ним, кивнув старшине, молча последовали к своему заведованию у четырех торпедных аппаратов. На выпуклых крышках которых, алели пятиконечные звезды.

– Здесь такое дело – отвел Юрку чуть в сторону, сказал лейтенант. – Тебя вызывает командир. – Ты случайно ничего не отчебучил?

– Да вроде нет, – пожал плечами старшина. – У меня все нормально.

– Ну, тогда вперед, – кивнул мичманкой офицер. – Потом мне доложишь.

– Есть, – ответил Легостаев, думая, зачем понадобился командиру. Грехов он за собой не знал, служил, в основном, исправно.

Правда неделю назад, когда лодка вернулась с отработки в Ботническом заливе, с Юркой беседовал особист*, время от времени появлявшийся в бригаде*.

Он пригласил Легостаева в свой неприметный, с глухой дверью кабинет, расположенный в одном из зданий экипажа, где, усадив напротив, под включенную настольную лампу, стал дотошно расспрашивать о прошлой жизни.

Старшина рассказал о себе все что знал, без утайки.

– Так выходит, родных и близких у тебя нет? – поинтересовался капитан-лейтенант, когда тот закончил.

– Получается, что нет, – вздохнув, ответил Легостаев.

– А когда беспризорничал, воровал?

– Не без того, товарищ капитан-лейтенант. Случалось.

– Что думаешь делать после службы?

– Наверное, останусь на флоте. Здесь мне нравится.

– Похвально, – ответил особист, чиркнув авторучкой что-то, в лежавшем перед ним пухлом, в коленкоровой обложке, блокноте.

На этом разговор закончился, капитан-лейтенант собеседника отпустил, посоветовав о разговоре не распространяться.

– Вас понял, – ответил Легостаев и вышел из кабинета.

К чекистам старшина относился ровно. Те опекали колонию, в которой он жил, часто навещали воспитанников, играли с ними в футбол и привозили подарки.

Поправив на голове пилотку и одернув робу, Юрка прошагал мимо стеллажных торпед к переборке, отдраил глухую стальную дверь и ступил за высокий комингс*.

Миновав второй отсек, где под пайолой возился электрик, прошел в центральный пост (там находился командир со штурманом) и, вытянувшись, доложил.

– Значит так, Легостаев, – поглядел на него снизу вверх, сидевший на разnojке у перископа капитан 3 ранга с орденом «Красной Звезды» на кителе.

– Ровно в десять тебе быть в штабе базы, у флагмана*. Сейчас зайдешь в каюту помощника, получишь тревожный пропуск* на выход в город. Форма одежды «три»*. Все понял?

– Точно так, товарищ командир, понял, – ответил старшина. – Разрешите выполнять?

– Свободен.

– Да, дела, – размышлял Юрка, подходя спустя пятнадцать минут к флотскому, за высокой оградой экипажу*, где в числе других обитала команда их «Щуки». – Оказывается, я нужен самому флагману.

Его старшина видел пару раз – когда был курсантом школы подводного плавания, во время принятия присяги, а потом, спустя год, на гарнизонном параде. Воинский начальник, во главе штаба, принимал его стоя на обитой кумачом трибуне у Морского собора, а личный состав в строю и с карабинами на плечах, печатал шаг, напротив, по гранитной брусчатке.

В красно-кирпичной, прошлого века казарме экипажа, в эти утренние часы было пустынно, только у тумбочки при входе скучал дневальный из молодых, с висящим на поясе штыком, да еще двое из наряда шаркали влажными машинками* по серому бетону пола.

Миновав обширный кубрик с двурусными, аккуратно заправленными койками, Легостаев ступил в длинный сводчатый коридор, с выходившими туда несколькими дверями и потянул на себя крайнюю.

За ней была с высоким потолком каютерка, с чисто вымытым в торце окном, по бокам которой на трепмелях висела матросская парадно-выходная форма. Ниже тянулись крашенные деревянные рундуки с личными вещами. Пахло в каютерке одеколоном и немного папиросами.

Спустя несколько минут Юрка вышел оттуда в фасонистой мичманке с рубиновой звездочкой на околыше, приталенной форменке с бледно-синим воротником, и широких, отутюженных клешах, под которыми блестели хромовые ботинки.

– В увольнение? – поинтересовался на выходе дневальный.

– Типа того, – последовал ответ. – Бывай парень.

Дробно процокав подковками каблуков по бетонному маршу лестницы, старшина вышел из казармы и перекурил у обреза* на скамейке. Далее пересек пустынный широкий плац, со старыми липами у ограды, а потом, предъявив вахтенному пропуск, снова вышел через КПП в город.

Лето преобразило Кронштадт.

Из серого и неуютного зимой, продуваемого колючими ветрами Финского залива, теперь, в лучах утреннего солнца, он выглядел ярким и зеленым.

В Петровском парке буйно цвели липы и сирень, по его, серого гранита дорожкам, прогуливались мамы с колясками.

Откуда-то издали донесло песню.

Ты, моряк, красивый сам собою,

Тебе от роду двадцать лет.

Полюби меня, моряк, душою.

Что ты скажешь мне в ответ?!

выводил чистый молодой голос.

Потом из-за угла прошлого века дома, на булыжник улицы вывернул флотский строй и дружно грянул

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям, эх,
Нынче здесь, а завтра там!

– Да, хорошо поют бродяги, – довольно хмыкнул старшина, остановившись в тени акации на тротуаре.

Парни, судя по виду, были курсантами учебного отряда, в синих необмятых робах, тяжелых яловых ботинках, именуемых «гадами» и бескозырках без ленточек. Их они получают, как только примут присягу.

Обдав старшину запахом табака, кожи и гуталина, строй монолитно прошел мимо, а Юрка, проводив его глазами, направился в сторону штаба базы.

Тот находился неподалеку от Якорной площади с высящимся над ней памятником адмиралу Макарову, в четырехэтажном, дореволюционных времени особняке, рядом с которым стояли блестя лаком, две черных эмки, военный грузовик и защитного цвета мотоцикл с коляской.

Взглянув на свои «Кировские» (подарок командования за первое место в базовых соревнованиях), Юрка отметил, что до десяти осталось семнадцать минут, после чего направился к массивным дверям входа.

Поднявшись по ступеням на широкое крыльцо, по бокам которого стояли два гранитных льва с грустными мордами, он потянул на себя надраенную бронзовую поперечину и оказался в высоком прохладном холле, с уходящей к лестничному пролету, бордового цвета ковровой дорожкой.

Справа, на невысокой платформе, у отделанной серым мрамором стены, белело в штативе военно-морское Знамя базы, у которого застыл с винтовкой у ноги часовой, а слева, у противоположной, за стеклянной перегородкой с окошком, восседал дежурный офицер с нарукавной повязкой «РЦЫ». Преисполненный собственного достоинства.

– Ты к кому? – поинтересовался он, когда Юрка подошел к перегородке.

– Мне назначено на десять, – ответил моряк, чувствуя холодок волнения в груди. – К командиру базы.

– Фамилия? – поинтересовался дежурный.

– Легостаев. Старшина команды торпедистов со «Щ-317».

Есть такой, – пробежал глазами, лежавший перед ним, рядом с телефоном лейтенант, вслед за чем нажал темневшую на крышке кнопку.

Из двери за его спиной тут же возник конопатый матрос, изобразив строевую стойку.

– Проводи старшину в ленкомнату, – бросил ему офицер, после чего взял трубку зазумерившего телефона.

Следуя за матросом, Легостаев поднялся на второй этаж и оба пошагали по обшитому темными панелями, широкому коридору.

В него выходил десяток с медными номерками вверху дверей, конопатый остановился у последней.

– Тебе, браток, сюда, – ткнул в нее, пальцем, вслед за чем, поспешил обратно.

Юрка нажал на медную тугую рукоятку, переступил порог и оказался в небольшом зале.

Из трех широких окон в него лился солнечный свет, а за двумя рядами полированных столов, в окружении висящей на стенах наглядной агитации, сидели полтора десятка старшин и краснофлотцев.

Впереди них, под портретами вождей, за таким же, только длиннее, на возвышении, расположился уже знакомый особист, перед которым лежала открытая папка. Капитан-лейтенант, держа в пальцах остро заточенный карандаш, просматривал в ней какие-то бумаги, аудитория сидела молча и взидала.

– Так, это у нас кто? – поднял он на вошедшего глаза.

– Старшина Легостаев! – козырнул Юрка. – Из экипажа капитана 3 ранга Иванова.

– Проходи старшина, – сделал отметку в бумагах особист. – Присаживайся.

Юрка снял мичманку с головы, шагнул к ближайшему пустому месту и опустился на один из стульев.

Потом оглядел лица сидевших сбоку, на соседнем ряде, оказавшиеся знакомыми.

С этими ребятами, в мае, по указанию командования, он проходил медкомиссию в Ленинградском военно-морском госпитале. На нее были представлены двадцать моряков срочной службы. С кораблей, подводных лодок и береговых объектов. Все без исключения спортсмены.

Одного парня Юрка хорошо знал. Как-то познакомились в увольнении, а потом не раз встречались. Его звали Михаил Усатов, он был старшиной группы турбинистов с линкора «Октябрьская революция, стоявшего на кронштадтском рейде.

Кроме всего прочего, у обследуемых проверяли объем легких, помещали в барокамеру и до одурения вертели на центрифуге.

– Не иначе направят для поступления в летные училища, высказывали предположение некоторые.

– Да ладно вам, – возражали другие. – Туда поступают только по личному желанию. Врачи же причин комиссии не объясняли. Говорили, так надо.

После Легостаева, в ленкомнате добавились еще пять вызванных, а когда до назначенного времени осталось пять минут, капитан-лейтенант, взглянув на свои часы, закрыл папку, встал и сообщил, что с моряками будет беседовать флагман 1 ранга* Ралль.

– А поскольку разговор с вами будет секретным (обвел взглядом присутствующих), никаких записей не делать, лишних вопросов не задавать. Всем все ясно?

– Точно так, ясно, – вразной ответили краснофлотцы.

– Ну, тогда следуйте за мной, – прихватив папку, спустился вниз особист, проскрипев хромовыми ботинками по паркету к двери.

Выйдя за ним из ленкомнаты, группа поднялась по лестнице на третий этаж и прошла в приемную командира базы.

Там чекист оставил всех на попечение адъютанта, чем-то напоминавшего известного артиста Жарова, после чего исчез, а тот, испросив разрешение по телефону, сопроводил военмор в кабинет. Откуда вышел, тихо прикрыв за собою, обитую черной кожей дверь.

В просторном, с портретом Сталина на стене, помещении, оказались целых два флагмана.

Один (в нем Юрка узнал командира базы), сидел в кресле под портретом за двутумбовым, с зеленым сукном на крышке, массивным столом, увенчанным чернильным прибором, а второй – за приставным, сбоку.

– Проходите, товарищи, садитесь, – сделал жест рукой командир базы в сторону длинного ряда стульев, стоящих под затененными бархатными шторами оконными проемами.

Несколько оробевшие моряки, бесшумно разошлись вдоль ряда, и присели, держа в руках головные уборы.

Второй флагман, откинувшись в своем кресле, все это время оценивающе рассматривал краснофлотцев, неспешно поворачивая голову с ровным прибором, слева направо.

По годам он был значительно старше первого, с жесткой щеточкой усов на обветренном лице и двумя орденами Красного Знамени на габардине кителя.

Юрий Федорович Ралль начинал службу еще на царском флоте. Участник Первой мировой, а потом Гражданской войны, он поочередно командовал эсминцами «Подвижный», «Капитан Изыльметьев» и линкором «Марат», возглавлял высшее военно-морское училище имени Фрунзе, а ко времени описываемых событий являлся начальником управления боевой подготовки Рабоче-Крестьянского Красного флота.

– Группа перед вами, товарищ флагман 1-го ранга, – сказал в возникшей тишине хозяин кабинета.

Вслед за этим Ралль встал и сообщил, что приказом наркома ВМФ Кузнецова, все присутствующие зачислены в Отряд особого назначения. Главной задачей которого будет совершение подводных диверсий в отношении кораблей противника и его береговых объектов в военное время.

Несколько ребят переглянулись, а остальные напряглись. Известие явилось неожиданным.

– В ближайшее время вы поступите в распоряжение командования сухопутных войск, – продолжил флагман, – где будете переодеты в форму десантников, и на базе бригады ВДВ обучитесь прыжкам с парашютом на землю, воду и лес. В дневное, а также ночное время. А перед этим освоите навыки подводной диверсионной деятельности.

Далее он выдержал паузу и завершил, – на ваших кораблях никто не должен знать, куда вы отправляетесь. По прибытию на место свою принадлежность к флоту не раскрывать. У меня все. Вопросы?

После этого сел, выжидательно глядя на краснофлотцев.

В кабинете возникла звенящая тишина, нарушаемая мерным ходом напольных часов в футляре, стоящих сбоку от входа.

– Разрешите? – поднял руку один из старшин. Со значком «Ворошиловский стрелок» на форменке.

– Слушаю, – кивнул флагман.

– После учебы нас снова вернут на флот? – встал тот со своего места.

– Обязательно, – последовал ответ. – Для него и готовим. Еще вопросы?

Таких больше не оказалось.

– Ну, если вопросов больше нет, завтра в восемь ноль-ноль, всем быть в фойе у дежурного, – сказал все это время молчавший, командир базы. – Все свободны.

Моряки встали со своих мест и один за другим, тихо вышли из кабинета.

На улице они расстались (каждый осмысливал услышанное) и отправились на свои корабли. Стоявшие в гаванях и на внешнем рейде.

– Привет, Юра, – послышалось сзади. Легостаев обернулся, перед ним стоял Усатов.

Такой же рослый, как и он, с открытым и доброжелательным взглядом.

– Здорово, Михаил, – протянул старшина руку. – Получается, будем вместе служить? (чуть улыбнулся).

– Получается так, – тряхнул ее Усатов. – В новом качестве. Хотя честно сказать, я такого не ожидал.

– И я тоже.

– Ну, тогда до завтра, – сказал Михаил, после чего, хлопнув друг друга по плечам, они расстались.

Проводив взглядом шагавшего враскачку Усатова, Юрка на свою лодку не пошел, к чему имелась веская причина.

Уже почти год он встречался с девушкой, причем серьезно.

Познакомились они прошлой осенью, при не совсем обычных обстоятельствах.

Сентябрь, а это было в первых его числах, выдался солнечным и без дождей, что было редкостью для туманного Кронштадта.

Его парки со скверами зажелтели листвой, небо поднялось выше, в чистом воздухе плавали серебряные нити паутины.

Одним таким воскресеньем, Юрка вместе с акустиком Сашкой Иванцом и рулевым-сигнальщиком Ваней Кругловым, отправился на берег в увольнение.

Для начала они сходили в кино, где посмотрели новую картину «Суворов», затем перекусили в пельменной, выпив там по кружке «жигулевского». Затем Сашка с Ваней отправились в базовый матросский клуб на танцы, а Юрка, испытывая лирическое настроение, решил прогуляться вдоль Обводного канала.

Ему нравились подобные места, тихие и безлюдные. Здесь можно было побыть с собой наедине – старшина не любил шум и колготню, как многие, кто служил в подплаве.

На «судах потаенных» ведь как? Все делается тихо и бесшумно. Согласно их предназначению.

Неспешно пройдя одной из улиц, по которой изредка проезжали автомобили, Легостаев вышел к Итальянскому пруду, с плававшими по нему утками, откуда начинался в гранитных берегах канал, и вскоре шагал по его пустынной набережной.

Там он и набрел на двух гражданских парней, пристававших к девушке у белой с округлым куполом, ротонды*.

Она молча отбивалась ридикюлем, наглецы же, довольно гогоча, толкали жертву друг на друга.

– А ну кончайте! – налился злостью старшина, оказавшись рядом.

– Или что? – обернулся один, с золотой фиксой, а второй, в кепке-восьми клинке прошипел, – топай отсюда пад...

Закончить не успел. Юрка врезал ему кулаком в челюсть (хулиган опрокинулся на спину), а второго сгреб за грудки и, протаскив метр, замахом швырнул в канал.

– Шух! – высоко взлетели в воздух брызги.

Когда обернулся, фиксатый мелькал вдали пятками, а девушка, прижав ладошки ко рту, беззвучно хохотала.

– Ты чего? – не понял старшина.

– Здорово, ты их, – ответила она, вслед за чем протянула вперед узкую ладошку. – Маша.

– Юра, – растянул губы в улыбке Легостаев.

Девушка ему очень понравилась. Невысокого роста, со стройной фигуркой и золотистыми волосами.

– А у тебя шов на плече лопнул, – сказала, чуть помолчав, Маша.

– Точно, – пощупал в том месте форменку парень.

– Пойдем, зашью, я живу здесь неподалеку, – кивнула девушка в сторону от ротонды.

– Пойдем, – тут же согласился Юрка.

Они спустились с набережной на тропинку между высоких кленов, миновали старинной постройки кирпичные склады и вышли к небольшому, финского типа домику за ними. Стоявшему в окружении нескольких раскидистых, с рыжими стволами, сосен.

– Проходи, – распахнула Маша калитку в невысоком, потемневшем от времени, штакетнике.

За ним был зеленевший травкой двор с мурованным подвалом в конце и аккуратным сараем.

Вскоре оба сидели в одной из уютных комнат (новая знакомая умело орудовала иглой) и беседовали.

Как оказалось, Маша перешла в десятый класс, ее родители-геологи, находились в длительной экспедиции на Дальнем Востоке, дочь жила с бабушкой. Тот в прошлом служил гальванером* на броненосце «Цесаревич», а теперь был смотрителем на одном из маяков Кроншлота.

Затем они пили чай с медом и антоновскими яблоками на кухне, а когда Маша (фамилия ее была Ремезова) проводила Юрку до калитки, он предложил ей встретиться в следующем увольнении.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – На том же месте.

Встреча состоялась, вскоре перешла в дружбу, а затем Юрка понял, что полюбил Машу. Это случилось с ним впервые. Девушка привлекала его своей добротой и веселым нравом (в детстве Легостаев повидал много грустного), а еще удивляла эрудицией. Грамотных людей Юрка с детства уважал.

Маша отлично знала историю с географией, в которых ее новый знакомый был не особо силен, и много чего другого.

Еще она не раз читала по памяти стихи Блока и Есенина. Особенно старшине запали в душу последние. Про старушку, которая ждала своего сына на дороге. А тот все не шел. Было некогда.

Под впечатлением, Юрка рассказал Маше о своей прошлой жизни. О которой мало с кем делился. Как скитался со шпаной по вокзалам, ездил в Крым и тырил по карманам, а потом воспитывался в колонии. После которой, до призыва, работал автослесарем в Купянске, а затем шофером самосвала.

– Ты совсем-совсем не помнишь своих родителей? – растроганно спросила тогда девушка.

– Отца нет, – нахмурился Легостаев. – Его зарубили под Варшавой белополяки, когда я был совсем маленький, а маму помню. Она умерла от тифа в двадцать пятом.

Сошелся Юрка характером и с Машиним дедом, Степаном Аристарховичем. Тот против встреч с внучкой не возражал, как-то пригласил молодых к себе на маяк, полюбоваться заливом, а потом они втроем несколько раз ловили пахнущую свежими огурцами, корюшку на его ялике.

Затем на берегу варили из нее запашистую, на укропе уху в закопченном котелке, под негромкий шум прибора.

Бывший гальванер любил вспоминать свою службу на броненосце и рассказывал, как в дальних плаваниях приходилось заходить в английский Портленд и французский Брест, а в Первую Мировую сражаться с немцами.

– Воинственный народ германец, – говорил он, снимая пену деревянной ложкой. – Однако супротив нашего не потянет. Хлипковатый.

Теперь же надолго приходилось расставаться. Отчего на душе у старшины было тоскливо. Но, как говорится, служба есть служба.

Поглубже надвинув мичманку на лоб (солнце било в глаза), Юрка, паруся клешами, направился быстрым шагом в сторону Обводного канала.

Минут через пятнадцать, свернув у ротонды на знакомую тропинку, он вышел к домику под соснами и, отворив калитку, вошел в пахнущий травой двор.

На ступеньке крыльца сидел хозяин в тельняшке и, привычно действуя кочедыком*, вязал ячеистую сеть для рыбы. Рядом, на траве, положив голову на лапы, за всем этим наблюдал лохматый пес по кличке Абрек. Большой любитель рыбалки и гроза местных котов.

– День добрый, Степан Аристархович, – пройдя по гравийной дорожке, остановился перед ними Легостаев.

– ЗдорОво живешь, – весело прищурился старик. Абрек же дружески вильнул хвостом и басовито гавкнул.

– Ты никак к Машутке? – продолжил старый моряк. – Ее сейчас нету.

– А где она?

– Утренним паромом уехала в Питер. Будет только к вечеру.

– Да, незадача, – огорчился Юрка, присев рядом с хозяином на ступеньку.

– А в чем дело? – отложил в сторону Аристархович кочедык. – Давай, старшина, докладывай.

– Меня, дед, переводят в другую часть, – наклонился к нему Легостаев. – За пределами Кронштадта. Завтра утром убываю.

– Вона оно что, – вздохнул старик. – Понятно.

– Я оттуда Маше сразу напишу. Так и передайте.

– Будь уверен, передам, – заверил Аристархович.

После этого он проводил гостя до калитки, где оба распрощались.

– Так смотри, непременно дай весточку! – крикнул вслед старый моряк.

– Обязательно! – помахал на прощание рукой Юрка.

Ночью, в кубрике, он спал беспокойно. Снилось грустная Маша, подводные диверсанты, похожие на морских крабов и почему-то Абрек, сидящий на торпеде.

Ровно в восемь следующего утра, вся группа с сидорами* на плечах, у некоторых были фибровые чемоданы, а у одного в руке даже гитара, была в фойе штаба.

Там, у стойки дежурного, их встретил коренастый старший лейтенант, представившийся заместителем командира отряда Гусевым и вывел во внутренний, мощный булыжником двор, где стояла полуторка.

Построив у нее, произвел перекличку. Все двадцать были на лицо. Серьезные и молчаливые.

Затем, аккуратно свернув список, офицер сунул его в нагрудный карман кителя и приказал, – в машину!

Парни влезли в кузов, оборудованный поперечными лавками, где, опустив вещи на пол, расселись по четыре. Хлопнув дверью, офицер занял место рядом с водителем и тот запустил двигатель. Потом железные, у КПП ворота, с лязгом откатились в сторону, и грузовик, оставив за собой сизый выхлоп бензина, выехал наружу.

От штаба он покати́л по брусчатке в сторону Купеческой гавани и спустя короткое время стал у замшелой бетонной стенки. Рядом с ней, на легкой ряби, покачивался морской охотник*.

Выйдя из кабины, старший лейтенант бросил, – всем с машины! (парни, прихватив свою хурду*, ловко попрыгали через борта вниз), а потом указал рукой на корабль «грузиться». По сходне дробно застучали матросские ботинки.

Как только офицер последним, ступил на палубу, сходню убрали и, отдав швартовы, охотник, урча моторами, отошел от стенки.

Выполнив циркуляцию, он прибавил ход, взяв курс на Финский залив. Подернутый легкой дымкой утреннего тумана.

– Группе вниз! – отдал очередной приказ старший лейтенант и, проследив как в настройке исчез последний из краснофлотцев, поднялся по трапу на открытый ходовой мостик.

– Ну как, всех своих забрал? – обернулся от рулевого командир в выцветшей штормовке.

– Всех, – ответил Гусев, глядя на пенные усы, катившиеся по бортам и исчезающие за кормою.

Спустившись вниз, группа разместилась в тесном матросском кубрике, где парни стали гадать, куда охотник держит курс. Мнения разделились.

Одни считали, что в какую-нибудь базу на побережье, вроде Лиепай или Таллина, а другие, что в Ленинград, как того хотелось.

– Да ладно, вам, – поставил точку в споре угрюмого вида, усатый боцман, все это время сидевший молча. – Скорее всего, нас запихают к черту на кулички.

– Типун тебе на язык, – сказал парень с гитарой.

Спустя полтора часа (многие из группы задремали от легкой качки), корабль сбавил обороты, а еще через пятнадцать минут вниз заглянул веселый матрос из его команды.

– Кончай припухать, братва! – заорал он сквозь гул двигателей – Всем приказано наверх!

Зевая и разбирая сидора с чемоданами, группа выбралась на палубу.

Глава 2. На секретной базе

1. Защита Союза ССР является обязанностью всех граждан Союза.

Оборона Союза ССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися.

На нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей.

2. Организация вооруженных сил трудящихся есть Рабоче-Крестьянская Красная Армия Союза Советских Социалистических Республик.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) разделяется на сухопутные, морские и воздушные силы.

(Из Закона СССР «Об обязательной военной службе»)

Охотник, ровно гудя моторами, шел малым ходом меж небольших скальных остров, на которых зеленела скудная растительность, к одному, более крупному, на склонах которого синел хвойный лес, а внизу желтела узкая кромка галечного пляжа.

Изменив курс, корабль двинулся вдоль него, а затем скользнул в узкий проход между двух скал, впереди открылась гавань. По размерам она была вдвое меньше той, где базировалась Юркина бригада, с чистой спокойной водой и стоящей посреди фарватера* на якорю, ржавой железной баржой.

В дальнем конце темнел пирс, к которому был пришвартован защитного цвета дебаркадер*, а на пологом берегу виднелись несколько щитовых домов.

– Кажись причапали, – сказал один из старшин. – К черту на кулички.

Между тем охотник на инерции мягко причалил к пирсу, заскрипев кранцами, старший лейтенант дал команду на сход, и строй моряков, с интересом оглядываясь по сторонам, в его сопровождении широко зашагал к строениям.

Миновав первый, по виду новый щитовой дом, с четырьмя окнами по фасаду, остановились у второго, чуть поменьше, с невысоким, в три ступени крыльцом, под навесом железной крыши.

– На месте стой! – приказал Гусев. – Напра-во!

Строй выполнил команду и замер.

– Ждать, – бросил старший лейтенант, вслед за чем, одернув китель, поднялся на крыльцо и исчез за дверью.

– Да, интересное место, – сказал кто-то из ребят. – Типа курорта.

– Ага, и не иначе с танцами по вечерам, – добавил парень с гитарой.

Через несколько минут Гусев вернулся с небольшой группой флотских офицеров.

Впереди шествовал невысокий, крепкого сложения человек, с тремя нашивками на рукавах кителя, за ним старший политрук в очках, два лейтенанта и пожилой мичман – сверхсрочник.

Спустившись со ступеней, они встали напротив.

– Здравствуй товарищи краснофлотцы! – приложил руку к козырьку мичманки первый из офицеров.

– Здравия желаем, товарищ капитан 3 ранга! дружно рявкнули в ответ шеренги.

– Я командир отряда специального назначения Орлов, – опустил он руку, вслед за чем представил остальных.

Старший политрук, по фамилии Бережной, оказался комиссаром, лейтенанты Васильев с Сосновским инструкторами, а усатый сверхсрочник Гудзь – комендантом.

– Вы, наши первые курсанты, – продолжил командир, обведя парней строгим взглядом. – Из которых в течение трех месяцев будут подготовлены подводные диверсанты.

Далее он сообщил, что сейчас всех определяют на жительство и накормят обедом, после которого начнутся занятия.

– Комендант, – обернулся к сверхсрочнику.

– Нале-во! – ступив вперед, громко рявкнул тот. – Правое плечо вперед! Ш-агом марш! Строй зашуршал ботинками по гравию.

Прибывших разместили в том самом щитовом доме, который они уже видели.

В светлом просторном кубрике, где стояли одноярусные койки со свернутыми матрацами, тумбочками между ними и банками*.

За кубриком находилась каптерка, там моряки, поместив свои вещи на стеллажи, получили у Гудзя казенное постельное белье, вафельные полотенца и синие шерстяные одеяла.

Далее, застелив койки, группа строем прошла на камбуз, располагавшийся позади штаба.

Там, в обшитом сосновой вагонкой зале (за ним имелся чуть поменьше), стояли два длинных, со скамейками по бокам, накрытых стола, а из окна раздачи на прибывших пялились упитанный кок в белом колпаке и еще какая-то чумичка*.

Комендант дал команду усаживаться.

В качестве закуски были шпроты в масле, на первое – горячий, с мослами борщ, на второе котлеты с гречкой и вишневый компот с пончиками.

– Не хилый рубон*, – сказал кто-то из ребят, после чего все дружно заработали ложками.

– Как только начнете спускаться под воду, будут шоколад, вобла и красная икра, – сказал наблюдавший за приемом пищи интендант.

Однако, – переглянулись многие, с надводных кораблей.

– Как у нас в подплаве, – сказал, наворачивая вкусный борщ, Легостаев.

После обеда Гудзь, оказавшийся свойским дядькой, разрешил всем подымить в курилке рядом с камбузом, под тенистой березой, а затем сопроводил прибывших в кубрик.

– Час отдыха, хлопцы, – распорядился там, взглянув на карманные, с витой цепочкой часы. – После отведу всех на занятия.

Вслед за этим, разгладив усы, комендант покинул помещение, а полные впечатлений моряки, сняв форменки с ботинками, прилегли на жесткие койки. Это время на флоте именовалось «адмиральским часом» и существовало со времен Великого Петра. Основателя русского флота.

По его прошествии, группа в полном составе, переодевшись в робы, синие береты и гады*, сидела в одном из учебных классов отряда, где внимала вводной лекции. Которую читал лично капитан 3 ранга.

Она оказалась настолько интересной и познавательной, что многие слушали, открыв рты.

Как оказалось, боевые пловцы существовали с античных времен и изрядно поднаторели, уничтожая вражеские суда вместе с командами, а также выполняя целый ряд других, не менее важных задач.

Первый такой факт упоминал Геродот, описывая гибель двухсот кораблей персидского царя Ксеркса у острова Эвбея от рук греческого ныряльщика Скиллиса.

Он, вместе с дочерью Кианой, пробравшись ночью под водой на охраняемую стоянку, перерезали якорные канаты судов, а разразившаяся буря разнесла те в щепки.

Использовались боевые пловцы и при обороне Сиракуз, устанавливая тайные подводные заграждения; в период Пелопонесской войны, доставляя осажденным города Пизы продовольствие и во многих других войнах на море.

В более поздние времена, подводных ныряльщиков успешно применяли финикийцы против войск Александра Македонского блокировавшего с моря торговый порт Тир, но особо выделились в этом плане римляне.

У них, на военном флоте, существовало специальное подразделение боевых пловцов. Оснащенное специальным снаряжением для осуществления диверсий в морских гаванях.

Применялись ныряльщики и английским королем Ричардом Львиное Сердце во время Третьего крестового похода. У берегов Палестины они напали из-под воды на военный корабль сарацин «Дродмунда», вырезав до ноги его команду.

Были ныряльщики также у французского Флиппа II, отличившись при захвате крепости Шато – Гайяр на реке Сене и нападении на английские корабли в порту Лез-Андели.

– В настоящее время подводные диверсанты имеются в составе военно-морских сил Италии, – подытожил Орлов. – Начало боевого применения сил специального назначения этой страны относится к периоду Первой мировой войны, когда в ноябре 1918-го года два итальянских пловца с помощью управляемых ими торпед с подрывными зарядами, взорвали австрийский линейный корабль «Вирибус Юнитас» на рейде базы Пола. Имеются ли у кого вопросы?

– Разрешите? – поднял вверх руку один из курсантов.

– Слушаю, – взглянул на него капитан 3 ранга.

– Получается, у нас таких пловцов до сих пор не было? – встал тот со своего места.

– Можно сказать и так, – последовал ответ. – Хотя в Запорожской сечи многие козаки были обучены долгое время скрытно находиться под водой для ведения разведки и нападения на турецкое побережье.

– Вслед за первым поднял руку второй, поинтересовавшийся, на каких глубинах могут находиться боевые пловцы и как долго.

– Наиболее подготовленные погружаются до семидесяти метров, но работают обычно на двадцати. Время же пребывания под водой зависит от глубины, течений и может составлять до часа.

Третий вопрос задал коренастый крепыш с перебитым носом (не иначе боксер), он касался увольнений.

Все наострили уши. Увольнения на флоте, дело святое.

– До ближайшего населенного пункта, от нас добрых двадцать миль, – чуть улыбнулся командир. – Так что увольнений не будет. Но зато по воскресеньям день отдыха. Можете играть в волейбол, удить рыбу или гулять по острову.

– М-да, с увольнениями облом, – грустно подумал Юрка.

После этого лекция закончилась, и занятия продолжил лейтенант Васильев, оказавшийся инструктором по легководолазной подготовке. В отличие от командира, это был рослый, широкоплечий человек, с вологодским говором.

Он принес с собой и повесил на школьную доску перед курсантами, два глянцевых цветных плаката. На одном был изображен похожий на химеру легкий водолаз, а на втором дыхательный аппарат. В целом и деталях.

Сопровождавший лейтенанта незнакомый кряжистый матрос, аккуратно водрузил на стол такой же, а рядом, разложил цвета морской тины, очкастый гидрокомбинезон. Вслед за чем, прикрыв дверь, вышел.

– Итак, начнем! – пробасил, взяв в руки указку, лейтенант. – Перед вами, – поочередно стукнул ею по плакатам, легкий водолаз в снаряжении и изолирующий дыхательный аппарат замкнутого цикла. Приходилось ли кому из вас в нем работать? (обернулся к присутствующим)

– Нет, – прошелестело по рядам.

– Почему нет? Я умею, – встал со своего места Юрка.

– И я, – поднялся из-за последнего стола еще один парень.

– Как зовут? – обратился к ним инструктор.

– Легостаев, – представился Юрка. – Был старшиной команды торпедистов на «щуке».

– Зорин, – доложилась второй, смуглый и похожий на цыгана. – А я служил электриком на «малютке»*.

– Добро, – кивнул инструктор. – Садитесь.

Далее он снова обратился к плакатам и подробно изложил назначение аппарата, который именовался ИСА-М, рассказал о его назначении, технических характеристиках и устройстве, после чего перешел к гидрокостюму.

– Все понятно? – завершив, обратился офицер к курсантам.

– Понятно, – закивали те стриженными под польку* головами.

– Ну, тогда пять минут перекур, а затем продолжим, – положил инструктор на стол указку.

– Так вы точно, погружались в этом аппарате? – окружили в курилке Зорина с Легостаевым ребята.

– Ну да, – затянулся Юрка, папиросой. – Нас этому обучали в учебном отряде. Теории и практике.

– И как там под водой? – спросил один из некурящих. Рыжий, с кошачьими глазами.

– Как-как, – покосился на него Зорин. – Темно, как у негра в жопе.

– Га-га-га, – дружно заржали краснофлотцы.

– Я серьезно, а ты, – обиделся рыжий.

– Дак и я серьезно, – невозмутимо заявил подводник.

Вторая часть урока оказалась практической.

– Легостаев, давай сюда, – сказал инструктор, когда все заняли свои места. – Будешь моим ассистентом.

Юрка встал и направился к лейтенанту.

– Сейчас я вам продемонстрирую, одевание в гидрокombineзон и включение в аппарат, – продолжил, окинув взглядом класс, офицер. – Внимание.

Потом кивнул старшине, – снимай ботинки.

Легостаев сел на стоявшую сбоку лавку и стащил за хлястики с ног гады, после чего встав, с помощью лейтенанта влез в пахнувший тальком, эластичный комбинезон.

– Теперь жгутуемся, – обернулся Васильев к морякам, вслед за чем собрал в кулак резиновую ткань на груди, с натягом закрутил, а потом туго замотал ее пошжим на макаронину жгутом, протернув остаток с наростом, в кольцо фиксатора.

– Так, теперь следует освободиться от остатков воздуха внутри, – сказал он, хлопнув Легостаева по плечу.

Тот, сложив руки крест-накрест, присел, «хр-рр», задержались ушастые лепестки по бокам маски.

Затем встал (комбинезон обтянул тело), а лейтенант, взяв со стола аппарат, навесил его ассистенту спереди на шею, защелкнул на талии карабин браса, а потом навинтил гайку клапанной коробки на патрубков маски.

– Теперь все готово готов к погружению, – оглядел инструктор творение своих рук. – Показываю порядок включения в аппарат. Всем смотреть внимательно.

Отойдя чуть в сторону, он выполнил несколько манипуляций на «ИСА», комментируя каждую, а потом совершил их в обратном порядке.

Изобрази еще раз, – бросил Юрке.

Тот изобразил.

– Уразумели? – взглянул инструктор на курсантов.

– Вроде да, – раздалась неуверенные голоса.

«Вроде», не пойдет, – отрицательно помахал пальцем в воздухе лейтенант – Показываю еще раз. С присказкой. Слушайте и запоминайте.

После этого он проделал все в третий раз, сопровождая каждую манипуляцию отдельным словом. Получилось «Господи, спаси, помилуй, аминь».

– Ни хрена себе, – зашептались по рядам. – Ну и присказка.

– У нас все, как в школе, – чуть улыбнулся Васильев. – Помните, «каждый охотник желает знать, где сидят фазаны»?

Большинство дружно закивали.

– Ну, вот и лады. Врубите ее себе в память.

Затем он освободил ассистента от снаряжения, сказав «молоток» и назначил старшим группы.

– Будешь водить всех на камбуз и занятия.

– Есть, – ответил порозовевший Легостаев.

Ровно в шесть учеба закончилась, и строй вольным шагом, с потягом, отправился на ужин. Состоявший из жареной трески с картофельным пюре, молочного супа и чая с сушками.

После, в кубрике, состоялась встреча с комиссаром, рассказавшим о военном конфликте с Финляндией, в котором принимал участие. Был он там комиссаром одной из морских рот, штурмовавших Выборг. Рассказ был интересный и познавательный, тем более, что в газетах об этом практически не писали.

– Товарищ старший политрук, а война с Германией будет? – поинтересовался кто-то из ребят, когда он закончил (на флоте ходили такие слухи).

– Исключено, – уверенно заявил политработник. – У нас с Гитлером пакт о ненападении.

Затем были вечерняя поверка и отбой, после которого парни смогли расслабиться.

– Да, круто здесь заворачивают, – сказал Юркин сосед по койке Усатов. – Даже увольнений нет, как у молодых в учебке.

– А мне, браток, оно нужно позарез, – вздохнул, закинув руки за голову, Юрка.

– В смысле?

– Не успел попрощаться в Кронштадте с Машей.

– Скучаешь?

– Еще как.

– У меня тоже есть девушка, в Кустанае, – улыбнулся в полумраке Михаил. – Как только вернусь, женимся.

В разных концах кубрика тоже шли негромкие разговоры, а потом стихли.

За окном в небе висела желтая луна, и мерцал ковш Большой медведицы*. Обещая хорошую погоду.

Утром все проснулись от команды «подъем!»

На среднем проходе стоял старший лейтенант Гусев, с секундомером в руке, и в шерстяном тренировочном костюме.

– Строиться на зарядку!

Через пять минут вся группа, в тельниках и штанах, попарно рысила за ним по росистой травке.

И раз, и раз, и раз! – подсчитывал ногу старлей. – Не растягиваться!

Оставив позади жилой городок, строй пробежал трехкилометровый кросс по пересеченной местности, а затем вернулся назад. На спортивную площадку за последним из подсобных строений.

Там имелись два турника на растяжках, параллельные брусья и пара вкопанных в землю столбов для волейбольной сетки. Сбоку тянулась низкая, в одну доску, сосновая скамейка.

Далее заместитель начальника выстроил всех в одну шеренгу по ранжиру, на правом фланге оказались два здоровенных лба (Юрка с Мишкой сразу за ними), после чего, заложив руки за спину, прошелся перед строем.

– Фамилии? – остановился перед здоровяками.

– Сафронов! – гаркнул, выпятив грудь, первый.

– Бойко, – прогудел второй, глядя сверху вниз на начальство.

– На кораблях получали двойной паек?

– Точно так!

– Здесь тоже будете, я распоряжусь, – пообещал Гусев.

После этого вернулся на середину и сообщил, что помимо занятий спортом, будет обучать курсантов рукопашному бою, а также стрельбе.

– Интересно, – переглянулись курсанты. Подрались на флоте всегда уважали, а вот стрелять приходилось только в учебных отрядах. Три боевых патрона в белый свет, как в копейку.

Далее офицер скомандовал, – первая шеренга два шага вперед! Интервал два шага! и под его руководством началась зарядка. Она была традиционной и включала в себя «разрыв военно-морской груди», отжимание лежа из упора, приседания на одной ноге, а также всякого рода махи и растяжки.

После «разогрева», старший лейтенант приказал всем снять тельники, под которыми открылись мускулистые, в наколках торсы; стали выполнять упражнения на турнике и параллельных брусьях. В них входили подтягивание, выход силой, а еще подъем переворотом и стойка на плечах.

Общей подготовкой Гусев оказался доволен, а вот наколками нет.

– Размалевались как обезьяны, – недовольно пробурчал он. – Вот что это за порнография? – ткнул пальцем в грудь здоровяку Бойко.

– Это того, русалка, – смущенно пробормотал краснофлотец.

– Вижу, что русалка. А почему с пи...?

– Так вышло, – обреченно вздохнул Бойко.

– А у тебя на спине что за лозунг? – перешел к парню с кошачьими глазами (фамилия того была Шаулин) «матрос пьет все, что горит и е... все, что шевелится». Это ж форменное безобразие!

– Виноват, товарищ старший лейтенант, по дурусти наколол, – опустил курсант рыжую, как огонь, голову.

После этого зарядка окончилась, группа, почистив мятым порошком зубы, ополоснулась ледяной водой в открытом умывальнике за их домом, растерлась вафельными полотенцами и, после одевания, Юрка повел ее на завтрак.

Он состоял из гречневой каши, щедро сдобренной тушенкой, какао со сгущенкой, белого хлеба и масла. Сафронову с Бойко, кок по имени Аркаша выдал по двойной порции.

– Рубайте на здоровье, – сказал он. – А если кому добавки (поправил на голове бело-снежный колпак) с нашим, так сказать, почтением.

– В таком случае, плесни мне еще какавы и добавь на птюху* масла, – протянул коку кружку вихрастый старший краснофлотец.

– Ну и здоров же ты кореш порубать, – засмеялись Бойко с Сафроновым.

– Море любит сильных, а сильный любить пожрать, – сказал вихрастый, принимая от кока желанную добавку.

Затем, в классе, прошло второе занятие по легководолазной подготовке, на котором Васильев ознакомил подопечных с правилами безопасности при спусках под воду и их особенностями, сигналами, применяемыми при этом, а также основам декомпрессии. При этом сообщил, что после обеда, состоятся первые практические погружения.

Группа это восприняла, как должное. Ребята отслужили по два – три года, не раз бывали на отработках и в дальних морских плаваниях. А там опасностей тоже хватало.

Бог не выдаст, свинья не съест, – сказал во время перерыва, по этому поводу здоровяк Бойко.

Следующие два часа лейтенант Сосновский, интеллигентного вида блондин, в соседнем классе знакомил моряков с основами подрывного дела. При этом он рассказал им о видах взрывчатки, ее свойствах, поражающей способности и показал несколько образцов. В том

числе часовые, магнитные, а также те, что приводятся в действия по проводам, взрывной машинкой.

И запомните главное, – прищурил светлые глаза. – Минер ошибается только один раз. Понятно?

– Чего понятнее, – пробубнил сидевший за первым столом, молчаливый боцман – усач. Звали его Петро Томилин.

Затем инструктор продемонстрировал, как мины приводятся в боевое состояние, сообщив, что курсанты сначала будут их устанавливать на суше, а затем на барже, что стояла на фарватере.

– Из – под воды? – поинтересовался кто-то.

– Именно.

После обеда, вся группа с Васильевым во главе, строем отправилась на дебаркадер.

Когда строй подошел ближе, перед ним открылась вся гавань, к выходу из которой шел морской охотник. Скорее всего, он охранял базу.

Окрашенный в шаровую краску дебаркадер являлся плавучим, однодечным* и стоял бортом к гавани.

С берега на палубу была установлена сходня, по которой все поднялись на палубу, а затем, направились за лейтенантом в кормовую часть. Представлявшую из себя низкую платформу с длинной откидной скамейкой по одному борту.

На ней, с равными промежутками, лежали четыре дыхательных аппарата, а сзади, на туго натянутых леерах*, были развешены столько же гидрокостюмов.

Противоположный борт ограждения не имел, с него в воду вели четыре узких, навесных трапа. Рядом с которыми находились свернутые в бухты* пеньковые шкеры* с алюминиевыми карабинами. У крайнего трапа, на деревянной банке, сидел средних лет человек в сером водолазном свитере и брезентовых штанах, покуривавший трубку.

– Мой помощник, водолазный специалист Ян Лацис, – представил его лейтенант. – Прошу любить и жаловать.

– Специалист молча кивнул, окутавшись легким дымом.

– Итак, начинаем учебные спуски, – обратился Васильев к курсантам. – Первыми будут Легостаев с Зориным, для показа.

Вслед за этим остальные были усажены в ряд на скамейку, а они с Лацисом, стали облачать пару в снаряжение.

– Прошу всех обратить внимание, – герметизируя Юркин комбинезон, обернулся к морякам инструктор. – Шнуровать аппендикс надо туго и аккуратно. Иначе разойдется под водой и вам кранты*, захлебнетесь как котята.

Затем на Юрку с Колькой (так звали Зорина), навесили аппараты, а на поясах защелкнули карабины страховочных шкертов.

– Показываю сигналы, – взял инструктор легостаевский в руку. – Одно подергивание (исполнил) – все нормально. Два – потрави вперед, ну а если нештатная ситуация – три. Вас срочно вытащат обратно. Уразумели?

– Точно так, уразумели – дружно ответили со скамейки.

– Ваша задача, – обратился инструктор к подготовленным к спуску. – По трапам спуститесь под воду, затем пройдете вон к тем буйам (указал на три, алого цвета конуса, покачивающихся на водной глади, метрах в пятнадцати от борта), после чего вернетесь назад. Понятно?

– Бу-бу-бу, – закивали обрешиненными ушастыми головами Зорин с Легостаевым.

После этого последовала команда «включиться в аппараты!» (курсанты исполнили), а затем вторая «пошли!».

Оба, стуча бахилами по металлу, неуклюже последовали к трапам, взяли за поручни и, спиной к воде, стали туда спускаться. Лейтенант со специалистом, стоя у кромки, потравливали

страховочные концы. Сначала в воде исчезли ноги водолазов, а затем все остальное. Оставив на поверхности воздушные пузырьки.

– Можете поглядеть, – обернулся к остальным инструктор.

Курсанты вскочили со скамейки и сгрудились у борта.

– Здорово, – восхищенно протянул кто-то.

В прозрачной воде, по песчаному дну, от дебаркадера удалялись, две неясных фигуры.

– Какая тут глубина, товарищ лейтенант? – спросил Томилин.

– В месте погружения три метра, у бுவ восемь. Рельеф дна с понижением, грунт плотный.

– А они могут плыть? – отмахнул жужжащего у лица комара Шаулин.

– Нет, только идти шагом.

Вскоре первопроходцы вернулись, и все повторилось в обратном порядке.

– Ну как? – поинтересовались ждавшие на палубе курсанты, когда тех освободили от снаряжения.

– Во! – поднял вверх большой палец раскрасневшийся Легостаев.

– Ништяк, – сопя и улыбаясь, добавил потный Зорин.

Вторыми в воду пошли сразу две пары. Инструктор со специалистом и первая, страховали.

Курсантом весьма понравилось, что после каждого выхода, Лацис протирает изнутри резиновые маски комбинезонов ваткой, смоченной в спирте-ректификате. Из стоявшей неподалеку алюминиевой канистры.

– Хорошее дело, шило*, – сказал, приняхиваясь, Самохвалов.

– А то! – ответили сразу несколько голосов. – Пользительное для здоровья!

До захода солнце первые спуски совершили все. Правда, не без приключений.

Бойко при возвращении зацепился страховочным концом за трап, рванул его и тот лопнул, за что получил нахлобучку. А парня по фамилии Григорьев, в воде перевернуло вверх ногами.

На следующее утро, после завтрака, состоялись практические занятия по взрывному делу. Лейтенант Сосновский вывел курсантов в негустой, за городком, хвойный лес, перемежавшийся покрытыми мхом скальными массивами, на одном из которых, для наглядности, провел установку двух мин (курсанты наблюдали), после чего, отведя их на безопасное расстояние, выполнил подрыв.

Воздух ощутимо дрогнул, вверх полетели осколки с дерном, вдаль унеслось и замолкло эхо.

– Сильно, – переглянулись ребята. – Аж уши заложило.

Затем, аналогичные установки, под контролем инструктора, выполнили все остальные. До полудня в этой части острова гулко ухало, тренировка шла полным ходом.

После обеда снова была легководолазная подготовка. Теперь курсанты учились подводной ориентировке по компасу, выходу к нужному месту и отысканию там предметов. На занятиях присутствовал, командир отряда.

– Ну как? Осваиваются ребята? – поинтересовался он, наблюдая, как в воду ушла очередная пара.

– Я думал, будет хуже, Иван Васильевич, – ответил Васильев.

А когда группа поужинала и немного отдохнула, старший лейтенант Гусев провел с моряками вводное занятие по рукопашному бою на спортивной площадке.

В дальнем ее конце имелось что-то вроде второй, засыпанное мелким песком с галькой, у которой он выстроил краснофлотцев, приказав всем раздеться до пояса.

Разновидность этого боя, старший лейтенант назвал самбо, и для начала спросил, знает ли кто, что это такое?

Знающих не нашлось, хотя Сафронов, а также еще один курсант – Паша Григорьев, увлекались вольной борьбой. И даже имели разряды.

– Самбо – это самооборона без оружия, – значительно сказал Гусев, расхаживая перед строем. – Культивируется в ряде частей РККА*, а также подразделениях войск НКВД* с тридцатого года. Основателем и родоначальником его является Василий Сергеевич Ощепков, который собрал воедино приемы самых различных школ, систематизировал их и создал практически новую форму боя. Уяснили?

– Точно так! – дружно откликнулись курсанты.

– Хорошо. Теперь показываю для наглядности. Сафронов, ко мне! – приказал офицер правофланговому.

Тот сделал несколько развалистых шагов вперед и глыбой встал перед офицером.

– Щас Колька его придавит, – тихо сказал Усатов Легостаеву.

Невысокий, хотя и крепко сбитый зам командира, был Сафронову едва по плечо, да и по весу намного легче.

– Давай, нападай, – чуть пригнувшись, развел он в сторону руки.

– Можно, – чуть улыбнулся амбал*, и проделал то же самое.

В следующее мгновение он двинулся вперед, уцепив Гусева обеими руками за плечи. Тот, своими, перехватил правую из них в запястье, крутанул ее в сторону и вверх, а затем, через бедро, швырнул курсанта наземь.

– Ни хрена себе, – прокатилось по шеренге.

– Давайте еще, – вскочил на ноги Сафронов.

– Можно.

В этот раз противники с минуту кружили друг против друга, затем Николай, пригнувшись, резко прыгнул вперед и ухватил руками старлея под коленки. Далее последовал рывок (Гусев опрокинулся на спину, увлекая нападавшего за собой), а в следующий момент сделал тому упор ногами в живот и резко перебросил через себя.

– Хэк! – грузно брякнул позади противник.

– А теперь нападай вот с ней, – извлек офицер из кармана лежавшего неподалеку кителя финку и вручил отряхивавшему песок Сафронову.

– Бить взаправду? – взяв ее, попробовал тот остроту лезвия.

– Ну да, – снова принял боевую стойку Гусев.

Николай хищно осерился, пригнулся, а потом резко взмахнул рукою.

Она тут же попала в крестообразный захват двух ладоней противника, и последовал резкий разворот. Финка полетела в одну сторону, курсант в другую.

– Ну вот, примерно так, – сделав пару шагов в сторону, поднял ее Гусев. – Молодец, Сафронов.

Затем он вернул тяжело дышавшего курсанта в строй и рассказал, как правильно падать.

– В противном случае вы можете серьезно травмироваться, – продолжил. Вслед за чем вызвал из строя Григорьева и показал это на практике.

Далее курсанты были распределены по парам, при этом учитывались рост с весом. Занятие продолжилось.

Вечером, после отбоя, у парней от бросков с подсечками, всевозможных блоков и падений, ныло все тело.

– Да, знает свое дело старший лейтенант, – шевеля пальцами на ногах, изрек Григорьев.

– Еще как знает, – ответил с другого конца кубрика Сафронов. – Я, например, у себя в деревне, спокойно мог переломить подкову или раскидать пятерых крепких мужиков. А тут шалишь, номер не проходит.

Так это ж наука, понимать надо, – пробасил с соседней койки Ваня Бойко.

Потом все погрузились в крепкий сон. Очень уж насыщенным выдался день. На кораблях, по общему мнению, служилось легче.

Все последующие дни были аналогичными.

С утра, после физкультуры и завтрака, на котором стали выдавать шоколад с воблой, занятия по легководолазной подготовке; затем обед и «адмиральский час», а далее взрывное дело. После ужина и короткого отдыха – самбо до седьмого пота.

По прошествии двух месяцев, обветренные и загоревшие курсанты, уверенно осуществляли спуски под воду, где неплохо ориентировались; при участии Васильева (нередко с командиром), выполняли учебное минирование стоявшей на фарватере баржи.

Туда добирались по дну своим ходом (до объекта было двести метров), а еще на подводном носителе. Он находился в носовой части дебаркадера, где хранился под брезентом.

Носитель представлял собой укороченную торпеду без заряда, на аккумуляторах, оборудованную сверху рулевым управлением и двумя алюминиевыми сидениями.

Он опускался под воду ручными таями Лацисом с двумя помощниками, у внешнего борта дебаркадера. Затем отдавались концы, на агрегат усаживались два боевых пловца, и, запустив двигатель, беззвучно скользили на глубине к цели.

Уверенно применяли ребята и приемы рукопашного боя. Теперь каждый из них знал дюжину бросков, защитных блоков, удушений и подсечек, так что, при необходимости мог не только защищаться, но и нападать на вооруженного противника.

Особенно поднаторели в этом деле Бойко с Сафроновым. Что было неудивительно при их богатырской силе. Однажды Николай даже победил Гусева, заломав тому во время поединка руку.

Впрочем, старший лейтенант не обиделся, а наоборот подарил тому свою финку.

– Держи на память, – протянул наборной рукояткой к курсанту. – У меня еще есть. А тебе пригодится.

– Отличная вещь, – рассматривая ее после занятий, цокали языками ребята. – Везет тебе, однако, Колька.

– Это да, – довольно прогудел Сафронов.

Увольнений, как предупредил командир, не было, но зато парни неплохо отдыхали по воскресеньям.

Вставали на час позже, завтракали и до полудня играли в волейбол, натянув имевшуюся в отряде сетку.

Нашлись и свои мастера. Мартыновский делал головокружительные подачи, а Андреев с Самохваловым наносили атакующие удары, которые из противников редко кто мог парировать.

После обеда, захватив пустые рюкзаки, курсанты отправлялись в лес или побережье, где собирали уйму белых грибов, подосиновиков и лисичек, а еще лакомились начинавшими поспевать жимолостью и земляникой. Любители же рыбалки, уходили вместе с Гудзем на побережье, где ловили немудреной снастью, крупную жирную салаку.

Добыча доставлялась на камбуз, отрядному коку Аркаше, и на ужин была жареха из грибов, а к ней золотистая уха и подкопченная на ольхе рыба.

После ужина многие шли на дебаркадер, где Лацис устанавливал на лючину* граммофон. И слушали пластинки с ариями из различных опер. До которых он был большой любитель.

Больше всего парням нравилась ария варяжского гостя. В исполнении Шаляпина.

О скалы грозные дробятся с ревом волны,
И с белой пеною, крутятся, бегут назад,
Но тверды серые утесы,
Выносят волн напор над морем стоя!

От скал тех каменных у нас, варягов кости,
От той волны морской в нас кровь – руда – пошла,
А мысли тайны от туманов,
Мы в море родились, умрем на море..!

гремел над притихшей гаванью могучий бас. Да так, что по коже шли мурашки.

– Убедительно поет, – каждый раз восхищался арией задиристый Витька Бойцов – Так и хочется дать кому-нибудь в морду.

– Чего ты такой шепутной*, Витек? – добродушно гудел Бойко. – И фамилия у тебя, того, уркаганская*.

– Фамилия обычная, как у всех, – обижался Бойцов, а окружающие смеялись.

Если же вечер был ненастный, ребята активно забивали «морского козла», в кубрике за раскладным столом, или слушали песни Сани Вишневецкого, исполняемые тем под гитару.

Обладавший похожим тенором, он колоритно выдавал напевы Лещенко, в том числе «У самовара», «Ах эти черные глаза» и другие.

Когда же переходил к особо популярному на флоте «Чубчику», на середину кубрика выходил гибкий Витька Книжников и, засунув руки в карманы штанов, дробно выбивал ботинками чечетку.

Давай, корешок, наяривай! – с восторгом вопили сослуживцы и кто-нибудь, сунув в рот пальцы, издавал разбойничий свист.

В такие дни, после вечерней поверки, улегшись в койки, еще больше сдружившиеся Легостаев с Усатовым, разговаривали о жизни. Мишка был родом из Казахстана, до службы, закончив техникум, работал санитарным инспектором, а потом секретарем райкома комсомола в своем районе.

Говорили в основном о будущем.

Легостаев мечтал, как оставшись на флоте, предложит Маше руку и сердце, а Усатов собирался отправиться в Москву и выучиться там на журналиста.

– Нравится мне эта профессия Юрок, – говорил он, заложив за голову руки. – Встречи с новыми людьми, беседы, командировки. Опять же можно посмотреть весь Союз и побывать на комсомольских стройках.

В оставшийся месяц подводные диверсанты (теперь такими их можно было назвать) кроме всего прочего, прошли огневую подготовку. До этого стрелять им доводилось только один раз. В учебных отрядах из винтовки. Да и то курам на смех. По тройке боевых патронов.

Теперь же, под руководством Гусева, моряки каждый второй вечер, отправлялись в неглубокую лесную долину, ограниченную скалой, где до заката палили по мишеням из пистолетов «ТТ», автоматов «ППД» и ручного пулемета.

Проявились и свои снайперы. Молчаливый и спокойный Женя Бобров, с тридцати метров точно всаживал из пистолета все восемь пуль в яблочко, а Илья Плюшкин на предельной дистанции, разносил короткими очередями из «дегтярева» мишени в щепки.

Гусев рассказал подопечным, что одним из закрытых НИИ Ленинграда начата разработка пневматического оружия для боевых пловцов. Но когда оно поступит на вооружение, неизвестно.

За неделю до окончания срока подготовки, в ночное время, группа выполнила боевой подрыв баржи магнитной миной с часовым механизмом. Судно переломило надвое, и вскоре затонуло, а на его месте долго вертелась сатанинская воронка.

– Ну вот, уничтожена ваша первая цель, – сказал по этому поводу Васильев. – Пока учебная.

– Хотелось бы боевую, – сказал кто-то из ребят. – И чтобы побольше тарарама.

– Всеу свое время, – ответил офицер. – Только тарарама не надо.

А потом настало время расставаться.

За время учебы, теперь уже бывшие курсанты сплотились в единый воинский коллектив и стали серьезной боевой единицей. Готовой к выполнению разного рода, тайных операций.

– Теперь пройдете дополнительную подготовку в ВДВ, и мы возможно встретимся, – сказал ранним утром, застывшему перед ним парадному строю, капитан 3 ранга. – А пока благодарю за службу, – приложил к лаковому козырьку руку. То же самое сделали все присутствующие офицеры.

– Служим, трудовому, народу! – набрав воздух в грудь, дружно гаркнули военморы.

– Нале-во! – сделал шаг вперед стоявший рядом с командиром Гусев.

– Бах-бах, – стукнули каблуки ботинок.

– Правое плечо вперед, ша-агом марш!

С последними словами, рубя шаг, строй двинулся вперед, а со стороны дебаркадера, у которого стоял морской охотник, грянул марш «Прощание славянки».

Поднявшись на палубу, краснофлотцы увидели улыбающихся рядом с граммофоном Гудзя с Лацисом. Ветераны крепко пожали каждому руки (комендант даже прослезился), а затем Гусев, через плечо у которого висела планшетка, объявил посадку.

Ребята взяли в руки заранее сложенные на палубе вещи и вместе с офицером перешли по сходне на корабль.

Отдав концы, он дал прощальный гудок и взял курс по мелкой ряби в сторону выхода из гавани.

Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад!

волнующе летело за кормой, а потом стихло.

Глава 3. Крылатая пехота

Начало созданию воздушно-десантных войск положило постановление Реввоенсовета СССР, принятое 11 декабря 1932 года. В нём, в частности, отмечалось, что развитие авиационной техники, а также достигнутые результаты в конструировании и сбрасыванию с самолётов бойцов, грузов и боевых машин требуют организации новых боевых подразделений и соединений РККА. В целях развития воздушно-десантного дела в РККА, подготовки соответствующих кадров и подразделений, Реввоенсовет постановил развернуть на базе авиадесантного отряда Ленинградского военного округа бригаду, возложив на неё обучение инструкторов по воздушно-десантной подготовке и отработку оперативно-тактических нормативов. Одновременно намечалось сформировать к марту 1933 года по одному авиадесантному отряду в Белорусском, Украинском, Московском и Приволжском военных округах. Начался новый этап в развитии воздушно-десантных войск. А уже в начале 1933 года в этих округах были сформированы авиационные батальоны особого назначения.

(Из истории воздушно – десантных войск)

Против ожиданий (Юрка надеялся, что их сначала доставят в Кронштадт), охотник закончил свой путь в Ораниенбауме.

Это был небольшой, основанный еще князем Меншиковым городок, в котором во время подавления кронштадтского мятежа находился штаб маршала Тухачевского.

Там группа выгрузилась на причал, и ждавший ее военный грузовик доставил моряков в форт Красная Горка, находившийся в нескольких километрах от города.

Построенный Петром I-м, он являлся одним из двух мощных береговых крепостей кронштадтской минно-артиллерийской позиции, надежно защищавшей подступы к Петербургу от подхода крупных боевых кораблей противника.

На вещевом складе форта, у которого молодой матросик-первогодок красил известью стену, всех переодели в солдатское х/б без знаков различия, защитного цвета пилотки и сапоги, изъязв флотское обмундирование, что вызвало ряд шуток.

– Ну и штаны, – оттянув в стороны галифе, критически оглядел их Мишка Ивашутин. – Все наоборот. Вверху широкие, а по низу узкие. Умора!

– Зато с мотней и подчеркивают стройность ног, – виляя задом, прошелся по проходу Колька Быков.

– А у меня гимнастерка на плече лопнула, и сапоги не лезут – пробурчал Бойко в окошко, откуда выглядывал мордастый интендант – сверхсрочник.

Тот исчез, долго копался, а потом возник снова, брякнув на стойку сорок пятого размера кирзачи и положив рядом аккуратно свернутую гимнастерку.

– На. Самые большие. И где вас таких делают?

– Известно где, в Сибири, – уселся Иван на лавку у стены, с кряхтением натягивая обновки. – Ну как? – шлепнув на затылок пилотку, обернулся к Томилину.

– М-да, – почесал тот затылок. – Форменный бандит. Остальные дружно заржали.

Когда группа, переобмундировавшись, направлялась вслед за Гусевым к машине, один, уже видевший ее береговой матрос, удивленно выпучил глаза.

– Вас кореша*, никак турнули с флота? (подошел ближе).

– Типа того, – подмигнул ему Вовка Крючков.

– За что?

– Исключительно за раздолбайство, сынок, – ответил Ваня Самохвалов. – Так что, служи исправно.

– Ну и дела, – покачал тот головою.

Затем ребята погрузились в кузов, Гусев сел рядом с шофером в кабину, и грузовик, урча, выехал за ворота.

Сначала он покатил по наезженной дороге в сторону хвойного леса впереди, затем миновал его стороной и выбрался на ухабистый проселок.

Километров через десять автомобиль свернул к полосатому шлагбауму с часовым, и после проверки документов въехал на территорию полевого военного аэродрома, где стояли защитного цвета краснзвездные самолеты. Громоздкие и неуклюжие.

– С машины! – вылез офицер из кабины, когда полторка, скрипнув тормозами, остановилась на краю обширного летного поля.

Прихватив вещи, моряки спрыгнули вниз, а старший лейтенант, приказав ждать, натянул поглубже мичманку и пошагал в штаб.

Оставшиеся присели на траву в тени машины, вытащили папиросы, и некоторые закурили.

– Вот с таких мы, наверное, и будем прыгать, – показал рукой в сторону крылатых машин Вовка Курочкин. – Это ТБ-3, тяжелые бомбардировщики.

– Откуда знаешь? – спросил Вишневский, пожевывая в губах травинку.

– Поступал в летное училище. Не получилось.

– Ну и как они? – поинтересовался Шаулин.

– Машины будь здоров, – значительно сказал Курочкин. – Потолок восемь тысяч метров, дальность полета две тысячи километров, скорость триста километров в час. Вооружение – четыре 7,62 мм пулемета, бомбовая нагрузка три тонны.

– Впечатляет, – согласился Вовка.

Спустя минут двадцать вернулся Гусев (группа встала) и сообщил, что через час, будет погрузка в самолет, а затем перелет в Белоруссию.

– Однако, – переглянулись ребята, но ничего не сказали.

Затем он отщелкнул кнопки на планшетке и вручил Легостаеву засургученный пакет. – Отдашь представителю части, старшина. Вас встретит.

– Слушаюсь, – козырнул Юрка.

– Ну, а теперь прощайте, – тряхнул руку каждому старший лейтенант. – Не поминайте лихом.

Затем сел в кабину, водитель запустил двигатель и грузовик выехал с территории. Еще через пару минут, оставив позади шлейф пыли, скрылся за поворотом.

– Ну, вот и простились с флотом, глядя ему вслед, – вздохнул Зорин

– Почему простились? – обернулся к нему Сафронов. – Флагман с командиром обещали, что мы вернемся.

– Да это я так, к слову.

После этого все снова уселись на траву, потянулись тягостные минуты ожидания.

На исходе второго часа (солнце стояло в зените), и ребята перекусили захваченным в дорогу сухпаем, запивая его водой из фляг, из одноэтажного кирпичного здания неподалеку, появились шесть легчиков в кожаных шлемах и комбинезонах, направившиеся в сторону самолетов.

Одновременно из штаба вышел какой-то человек, помахав в сторону группы рукой.

Моряки встали, разобрав вещи, и пошагали к штабу.

Человек оказался лейтенантом в синем галифе и такой же фуражке с крабом, лихо заломленной набекрень.

– Так, орлы, построиться по двое и за мной, – оглядел парней офицер.

Спустя минуту, диверсанты следовали за авиатором по серому бетону к взлетной полосе. Где уже ревел двигателями, тяжело выкативший туда бомбардировщик.

Из открытой двери фюзеляжа в бетон упирался короткий алюминиевый трап, а в проеме темнел человек в шлеме.

– Всем в машину! – громко заорал лейтенант, придерживая рукой фуражку.

– Поднявшись по одному наверх, моряки оказались в довольно просторном отсеке, с длинными металлическими скамейками по бортам, где и расселись.

Вслед за этим, стоявший у двери ее задрал, прошел между пассажиров, посоветовав держаться за воздух, а затем исчез в люке верхней пулеметной турели.

Через минуту самолет вздрогнул (от рева заложило уши), и все почувствовали, как началось движение. Далее оно ускорилося, последовали несколько толчков, а потом возникло непонятное ощущение.

– Никак летим, Юрок! – наклонился к тому, сидевший рядом Мишка Усатов.

– Вроде того! – откликнулся приятель и поднял кверху большой палец.

За ребристой, дюралевой обшивкой монотонно гудели двигатели, крылатая машина уносила их все дальше.

Спустя три часа, на закате, ТБ-3 приземлился, на другом аэродроме. Поменьше первого, с зеленой травой и с трех сторон окруженного высоким лесом.

Группа, прихватив вещи, выгрузилась из бомбардировщика, и на взлетной полосе была встречена загорелым офицером в сопровождении старшего сержанта, с медалью «За отвагу»

на гимнастерке. Старший лейтенант принял от Легостаева пакет, сунув его в полевую сумку, а затем упруго прошелся перед шеренгами.

– Слушать меня внимательно! – остановился в центре.

– Вы прибыли в 214-ю воздушно – десантную бригаду под командованием полковника Левашова. Я ваш командир роты старший лейтенант Романенко. Сейчас всех отведут в часть, накормят и определят в казарму. Дорошенко! – обернулся назад.

–Я! – вытянулся старший сержант.

– Выполняйте.

После этого офицер направился к самолету, у которого стояли летчики, а Ковальчук повел группу к выходу с аэродрома.

– И де ж вы раньше служили, хлопцы? – шагая сбоку, поинтересовался у Легостаева, сопровождавший.– По виду вроде не новобранцы.

– Мы, товарищ старший сержант, из стройбата, – ответил Юрка.– Оттуда перевели к вам.

– Вон оно шо, – хмыкнул Дорошенко.– Стройбата нам токо не хватало.

Оставив позади аэродром и пройдя по грунтовой дороге тройку километров вперед, группа оказалась на КПП части.

Старший сержант предъявил вышедшему из будки дежурному с наганом в кобуре, пропуск, и прибывшие вошли на ее территорию.

Там, разделенные бетонным плацем, располагались шесть кирпичных трех этажных казарм, а за ними виднелись разных размеров и высоты, другие здания.

– Ось тут будете жить, – ткнул пальцем старший сержант в первую казарму слева, после чего группа вслед за ним поднялась на третий этаж, где за дверью у тумбочки стоял дневальный, а справа и слева имелись два просторных, с высокими потолками, помещения.

Судя по заправленным постелям и висящим в изголовьях вафельным полотенцам, одно было обитаемым, а второе нет. На койках лежали только голые полосатые матрасы и подушки без наволочек.

Ваша спальня, – завел в него подопечных старший сержант. – Оставляйте тут вещи.

– А там кто живет? – кивнул Сафронов на смежную.

– Первый взвод, – ответил Дорошенко. – Он щас на учениях в поле. Я, до сведения, ваш старшина роты.

Затем, что-то сказав дневальному, он отвел всех в недалекую столовую, с двумя цветочными клумбами при входе. Там на прибывших был оставлен расход*, и моряки подкрепились мясной рисовой кашей, горячим чаем и ржаным хлебом с маслом.

Во время ужина старший сержант исчез, а потом возник снова.

Когда же вернулись в казарму, на каждой кровати лежало постельное белье, а еще Дорошенко извлек из карманов галифе и вручил всем синие петлицы на гимнастерки.

– До отбоя пришить, вместе з подворотничками, – нахмурил густые брови. – А то ходите як те, партизаны.

Далее он пригласил ребят за собой в каптерку, на этаже кроме спальных помещений имелись другие (в том числе бытовка, туалет и умывальник), где сидора с чемоданами определили на деревянные стеллажи, а новички получили половину чистой простыни на подворотнички. Иголки с нитками у всех имелись.

Пока подшивались, ребята выяснили у словоохотливого старшины, что часть дислоцируется рядом с местечком Марына Горка, в шестидесяти километрах от столицы Белоруссии Минска.

– Далековато нас занесло, братва, – даже присвистнул Быков.

Еще Дорошенко (его звали как Чапаева – Василий Иванович), рассказал, что десантная бригада имеет боевое прошлое.

Сформированная в 1938 году, она приняла участие в войне с белофиннами, а еще имела отношение к освобождению Бессарабии, в составе Южного фронта, от гнета румынских помещиков и капиталистов.

– Так медаль у вас за финскую? – поинтересовался Ивашутин.

– Эгэ ж, – ответил Дорошенко. – Я тогда був командиром отделения, и в поиске мы захватили финского капитана.

А еще моряки выяснили, что в бригаде существуют увольнения, чему весьма обрадовались. Очень уж хотелось побывать в гражданской обстановке, да и пообщаться с женским полом.

– Белорусские девчата как, симпатичные? – поинтересовался Шаулин.

– Ничо, тики мелковатые и сиськи малёнки, – отвечивал старший сержант. – Самые лучшие наши хохлушки, есть за шо взяться.

– Ох, я б сейчас взялся, – прищурил зеленые глаза Шаулин. – А ты, Никола? – толкнул локтем Зорина, орудовавшего рядом иголкой.

– Я к девушкам отношусь серьезно, не то, что ты, балаболка, – покраснел Зорин.

– Так и я серьезно, – сделал удивленную рожу Вовка. Кубрик грохнул смехом.

Когда закончили с шитьем и надели гимнастерки, Дорошенко всех построил на среднем проходе и осмотрел. Скрипя по доскам пола хромовыми офицерскими сапогами.

– Вот теперь настоящие бойцы, – довольно крякнул он. А потом достал из нагрудного кармана список и провел вечернюю поверку.

– Теперь всем умываться и отдыхать, – сказал в завершении. – Завтра подъем в шесть. После чего ушел к себе в каптерку.

Ровно в двадцать три ноль – ноль, дневальный заорал со своего места «отбой!» и вырубил на этаже свет, включив ночное освещение.

Вскоре в разных концах спальни раздался храп. Диверсанты крепко спали.

На следующее утро, после зарядки и завтрака, в казарме состоялось знакомство с командиром взвода лейтенантом Иванченко. Тот был примерно их лет, подтянутый и спортивного вида.

Лейтенант сообщил, что во взвод будут добавлены еще десять человек из молодого, принявшего присягу пополнения, занятия начнутся после обеда.

– Разрешите вопрос, товарищ старший лейтенант? – поднял вверх руку Андреев.

– Разрешаю.

– А письма домой отсюда писать можно? Не возбраняется.

– Не возбраняется, – чуть улыбнулся офицер. – У нас, кстати, своя почта.

Во второй половине дня все тридцать сидели в одном из учебных классов бригады, и Иванченко знакомил бойцов с азами десантной подготовки.

При этом рассказал, что ВДВ – род войск, предназначенный для охвата противника по воздуху и выполнения задач в его тылу по нарушению управления войсками. Срыву выдвижения и развертывания резервов, нарушению работы тыла и коммуникаций, а также по прикрытию отдельных направлений, районов, открытых флангов. Блокированию и уничтожению высаженных воздушных десантов, прорвавшихся группировок противника и выполнения других задач.

Основным способом его доставки является десантирование как парашютным, так и посадочным порядком. На самолетах или планерах.

Первое же применение воздушного десанта в СССР произошло весной 1929-го года. В осажденном басмачами городе Гарм была высажена с воздуха группа вооруженных красноармейцев, которая при поддержке местных жителей разгромила банду, вторгшуюся из-за границы на территорию Таджикистана.

Лекция впечатлила бойцов, они почувствовали свою значимость.

– Да, – сказал по этому поводу во время перерыва в курилке Николай Зорин. – Десантные войска это тебе ни хухры-мухры. Тут все серьезно, почти как на флоте.

– Совершенно центрально, – поддержали его Легостаев с Усатовым.

Потом все завертелось, как в калейдоскопе. От теории перешли к практике (укладке парашютов), а вскоре прыжкам с вышки. Она, в числе других тренировочных сооружений, имелась на учебном полигоне.

Тот располагался за жилым городком и был отлично оборудован. Имел полосу препятствий, наземный тир, а также всевозможные спортивные снаряды. Которые содержались в образцовом порядке.

Штатная численность бригады составляла тысячу семьсот десантников, сведенных в парашютный и мотомеханизированный батальоны, а также артиллерийский дивизион.

Скрыть то, что ребята военные моряки, не удалось. В первую же баню, где мылись поротно, многие из их новых сослуживцев обратили внимание на флотские наколки. Да и приобретенный за годы службы на кораблях жаргон, давал о себе знать. Вновь прибывшие называли табуретки банками, свое спальное помещение кубриком, пол в нем палубой, а порции белого хлеба птюхами*.

Впрочем, особых вопросов в этом плане, ни у кого не возникало. Дисциплина в бригаде была на высоте, командиры строгие, и десантники лишнего не болтали. Кстати, новые сослуживцы, которые добавились в группу, тоже захотели иметь наколки.

На что Бойко авторитетно заявил, – вам еще рано, потому как салажата.

А затем состоялся первый прыжок с ТБ-3. В составе взвода.

Ранним росистым утром, когда над травой таял ночной туман, подразделение во главе с лейтенантом, экипированное в комбинезоны и парашюты, проследовало на аэродром.

Там, построив его у готового к взлету самолета, в кабине которого чернели головы пилотов, командир взвода провел последний инструктаж.

После этого была дана команда «на погрузку!», и сапоги застучали по металлу трапа.

В отсеке все расселись двумя рядами по скамейкам, бортмеханик захлопнул боковую дверь, а пилоты запустили двигатели.

Затем бомбардировщик тяжело покатило по взлетке, набрал ход и с ревом, от которого заложило уши, оторвался от земли. Начав набор высоты.

Через несколько минут полета на подволоке отсека зажегся желтый фонарь, и Иванченко дал команду «зацепить карабины» за протянутые сверху тросы, что проверил лично.

Спустя еще некоторое время замигал второй – зеленый, лейтенант крикнул, – приготовиться! (бортмеханик распахнул дверь), а вся группа встала, подойдя ближе и изготовилась к прыжку.

– Пошел! – заорал командир взвода, и Сафронов, сложив на груди руки, первым шагнул в холодный, выжимающий слезы ветер.

Далее, с короткими интервалами, последовали Бойко, с Мартыновским, Легостаев, сделав глубокий вдох, сиганул четвертым.

Сначала в ушах раздался свист воздуха (в глазах зарябило), а затем последовали резкий хлопок с рывком, и над ним широко раскрылся купол.

– Даешь! – в восторге завопил Юрка.

Потом вспомнил, что следует подрабатывать стропами, взглянул вниз и потянул одну из них. Парашют чуть изменил направление.

Взвод выбросили над обширной пустошью, окаймленной с одной стороны рекой, а с другой опушкой уходившего к горизонту леса.

Перед самой землей Легостаев сгруппировался, чуть подогнув колени, далее последовал сильный толчок в подошвы, десантник повалился на бок.

Его немного протащило по траве, потом, зацепившись за кочку каблуком, Юрка вскочил, подтянул за стропы опавший купол, и задрал голову к небу.

Там, приближаясь к земле, белели остальные, а затем один за другим опадали по всему, поросшему мелким кустарником, ландшафту.

Как было оговорено заранее, взвод, обмениваясь впечатлениями, собрался у просеки на опушке, где стоял бортовой «ЯАЗ» с дремавшим в кабине водителем. Рядом, на пенке, отмахиваясь веткой от комаров, сидел Дорошенко, у ног которого стоял перехваченный лямкой сидор.

– С почином, вас, хлопцы – встал старшина навстречу. – А де ж товариш лейтенант? – оглядел группу.

Не оказалось и рядового Гриши Юдина, из пополнения.

– М-да, незадача, – сдвинул на затылок синюю фуражку Дорошенко. – Будем ждать.

– Да вон они, вон! – показал в дальнюю часть пустоши кто-то из ребят. Там возникли два темных, со светлыми блестками, человечка.

– Видать отнесло, – приложил к глазам руку старшина. – Бувають случаи.

После чего приказал всем приступить к укладке парашютов, переходя от одного к другому, внимательно наблюдая и при необходимости оказывая помощь.

Спустя полчаса подошли, неся свои в охапках, командир взвода с Юдиным.

– Отнесло? – поинтересовался Дорошенко у лейтенанта.

– Немного.

Далее укладка продолжилась, затем ранцы поместили в кузов, а вслед за этим, построив взвод в две шеренги, Иванченко произвел разбор. Отметив в завершение, что с поставленной задачей бойцы справились.

– Теперь разрешаю двадцать минут отдохнуть, – взглянул на наручные часы и распустил строй.

Старшина раздернул горловину мешка и вручил каждому десантнику (командиру первому) по ломтю хлеба с тонкой пластиной сала, – трэба пополнить калории.

Усевшись, кто где, все дружно заработали челюстями.

– Я бы десять таких срубал, – прикончив свой бутерброд, облизнулся Мишка Ивашутин.

– Товарищ старшина, так будет после каждого прыжка? – отхлебнув из фляжки теплой воды, поинтересовался у старшего сержанта Диденко.

– Ни, – захлестнул тот лямкой опустевший мешок. – Тикы после первого. В бригаде така традиция.

Затем курящие задымили выданной махоркой, а не подверженные вредной привычке, с удовольствием растянулись на траве, глядя в небо. Чистое и бездонное.

Несколько позже, подрагивая на рытвинах, грузовик ехал по лесной дороге в сторону части, до которой, со слов лейтенанта, было тридцать шесть километров

Ехали казаки из Дона до дома,
Подманули Галю, забрали с собою.
Ой, ты Галя, Галя молодая,
Теперь будешь с нами, гарная такая!

весело пели в кузове диверсанты, и им вторило лесное эхо.

Уже вечером, после отбоя, Юдин рассказал ребятам, что прыгая предпоследним замешкался, и командир дал ему здоровенного пинка.

– Ну а ты? – с интересом спросили несколько.

– Вылетел как пробка из бутылки.

– Правильно сделал лейтенант – заявил Бойцов. – Здесь тебе не у мамы дома, а десантные войска. Не фиг обижаться.

– Да я не к тому, – продолжил Юдин. – Он ведь мог меня поставить перед строем и наказать. Однако не стал. Видать мужик нормальный.

– Ладно, давайте спать, – сладко зевнул Курочкин. – Поживем, увидим.

После этого были новые прыжки: на точность приземления, с полной выкладкой, в дневное, а потом ночное время. Десантировались на пересеченную местность и лес, а однажды в неглубокое, поросшее осокой озеро.

При этом случился трагикомичный случай.

Как-то раз взвод выбросили на большое, уже сжатое ржаное поле, неподалеку от белорусского колхоза.

У Пашки Григорьева перехлестнуло стропу, а потом ветром отнесло к строениям, где при посадке он проломил собой крышу, убив насмерть свиноматку и осиротив девять ее детенышей.

По такому случаю состоялся скандал с набежавшими селянами, и ремонт пришлось выполнять за счет части. Свиноматку командование выкупило на мясо, а Пашке, за небрежную укладку парашюта, вклеили семь суток гауптвахты.

– Целых семь за какую-то свинью, – расстроился Григорьев.

– Не горюй, браток, – успокаивали его друзья. – Могли дать на полную катушку. Опять же поросята остались без мамки. Так что легко отделался.

Одновременно с парашютной подготовкой продолжились занятия по рукопашному бою, стрельбе из всех видов стрелкового оружия, метанию гранат, а также подрывному делу. К этому добавились обучение работе на передатчике, ориентирование на местности по компасу и топографической карте.

Рукопашным боем с взводом занимался Иванченко. Основное внимание при этом он уделял новому пополнению, а старшие оттачивали уже имевшиеся знания в парах.

Впрочем, обучил лейтенант всех и нескольким приемам джиу-джитсу, заключавшимся в нанесении противнику обездвиживающих ударов. Головой, руками и ногами.

Но коньком командира взвода, являлось метание ножей с финками и остро заточенных саперных лопаток.

Ими он точно поражал цели на расстоянии десяти метров. Через три недели, многие во взводе, приобрели в этом деле неплохие навыки.

Устанавливать разного рода мины с толовыми шашками и их взрывать, десантников натаскивали на специальном полигоне в лесу, в трех километрах от части. Он был оборудован фрагментами железнодорожного полотна, бетонными надолбами и другими подобными объектами.

Ориентирование на местности и радиосвязь выполнялись в составе отделений, командирами которых назначили Бойко с Сафроновым и Легостаева. Каждому отделению выдавались компас с картой и рация, после чего они вывозились «в поле», выходили к контрольным точкам и устанавливали между собой связь.

Получалось не сразу, но постепенно опыт накапливался.

В октябре, когда окружающие леса окрасились багрянцем, а в поблекшем небе закурились журавли, Юрка получил долгожданное письмо от Маши.

Написал он его в Кронштадт сразу после прибытия в часть, узнав номер полевой почты.

Маша сообщала, что сначала была очень расстроена переводом Легостаева к другому месту службы, но теперь знает где он и успокоилась. Надеется встретиться снова. Еще девушка писала, что из экспедиции вернулись родители и теперь в доме веселее. Далее шли еще несколько новостей из городской жизни. А еще передавался привет от деда. «Жду ответа, как соловей лета», значилось в конце. «Целую».

Писем Юрка никогда не получал, тем более от любимой, и несказанно обрадовался. От полноты ощущений он сгреб в охапку подвернувшегося под руку Книжникова и закружил вокруг себя.

– Ты чего, сдурел? – выпучил тот глаза.

– Самую малость Витек, – весело рассмеялся Легостаев.

За истекшее время, парни побывали в увольнении только один раз. Ими командование бригады не баловало.

Было это в воскресенье и группа из пяти человек (Усатов с Легостаевым, Андреев, Бойко и Сафронов) отправились в Марьину Горку. На парнях было чисто выстиранное и отутюженное х/б со свежими подворотничками и начищенные до блеска сапоги.

Местечко находилось в нескольких километрах от бригады, населяли его порядка трех тысяч человек. В былое время оно входило в состав Речи Посполитой*, а во время ее второго раздела, отошло к России.

Пройдясь по главной, вымощенной булыжником улице, застроенной каменными и деревянными домами, с католическим костелом в центре, ребята выпили шипучей газировки у тележки рядом с магазином, под бормотанье висящего на столбе репродуктора, а затем отправились на местный рынок.

Со слов ротных старожилов, по воскресеньям туда стекались чего-нибудь купить или продать многочисленные селяне из окрестных деревень, иногда наезжал из Минска передвижной цирк – шапито, да и вообще было интересно.

Рынок, по местному базар, раскинувшийся на окраине, впечатлял своим видом и колоритом.

В разных его местах стояли палатки промкооперации, между ними тянулись торговые ряды, а с многочисленных телег продавали фрукты с овощами, различный инвентарь и всяческую живность. И над всем этим стоял разноголосый шум. Слышался белорусский, польский и даже еврейский говор.

– Ну, просто Вавилон, – восхищенно покачал головой Миша Андреев.

Для начала ребята потолкались между рядами, где купили по стакану каленых семечек и послушали, как носатый еврей с грустными глазами виртуозно играет на скрипке «Семь-сорок»; затем полюбовались на красивую девицу, сидевшую на телеге, откуда небритый мужик в шляпе, продавал расписные глечики* и другую глиняную посуду.

– Эй, красotka! – подмигнул девушке Сафронов. – Пошли с нами!

– Няможна, – улыбнулась та, опустив ресницы. – Я замужам.

Заметив вдали полосатый купол шапито, десантники сквозь толпу направились туда, и вскоре стояли у входа.

– Проходите, служивые! – заорал, увидев их, веселый администратор, с пучком билетов в руке. ДитЯм и солдатам у нас бесплатно.

– Ну, коли так зайдем, – рассмеялись ребята.

Внутри тоже было полно народа, пахло табаком и потом, а на помосте жонглировали кольцами, одетые в светлые трико, женщина и мужчина. Потом, закончив номер, они сделали реверанс и под аплодисменты удалились, а на их место выскочили клоуны.

Те пищали тонкими голосами, смеша публику и кувыркались, а потом исчезли.

Когда же тощий конферансье во фраке объявил номер канатоходцев, и те заскользили под куполом с шестами, снаружи раздались все усиливающиеся крики.

Часть стоявшей сзади публики (и уволенные вместе с ними), тут же поспешили наружу.

Метрах в ста от цирка, бурлил людской поток, слышался женский визг, а потом кто-то завопил «ратуйте!»

Десантники, работая локтями, протолкались вперед, где увидели занимательную картину.

Между телегами носился здоровенный, с кольцом в носу, пятнистый бык, а от него во все стороны разбегались люди.

Когда пространство передним животным освободилось, он встал, роя землю задними копытами, наклонил рогатую голову, а потом угрожающе заревел, поводя налитыми кровью глазами.

– Тякайте, забьеть! – проорал с одной из телег с капустой, вскочивший туда хозяин.

– А ну ка, дядя, пусти, – отодвинул в сторону мужчину в городском костюме, Бойко.

– Брось, Вань, не связывайся, – предупреждающе сказал Андреев.

– Я быстро, – растопырил моряк клешнястые руки и, чуть, присев, двинулся к быку.

Тот угрожающе засопел, рыкнул, а потом, убыстряя ход, ринулся на человека.

В следующее мгновение Бойко схватил животное за рога, проехав каблуками с метр назад, затем послышалось громкое «хэк!», и оно боком повалилось наземь.

Давай шкерт! – крикнул, тяжело сопя, Иван, хозяину.

Тот шустро соскочил с веревкой в руках и, спустя несколько минут, понурый бык был привязан за кольцо к телеге.

– Ну и силища, – прошелестело в толпе. – Скрутил вязы как куренку.

Хозяин, между тем, поманил солдат пальцем, те подошли и встали рядом.

– Варка! – обернулся он к тетке в платке, – а ну дай хлопцам гостинец.

Та чуть покопалась в телеге и протянула парням небольшую холщовую торбочку, – на ласку*.

– Спасибо, только нам не надо, – добродушно прогудел Бойко.

– Бярите, бярите, – настоял хозяин. – Он чертяка, кого бы запорол (покосился на меланхолично жующего быка), а мне сплошной убыток.

Сафронов взял гостинец, парни кивнули «спасибо» и, провожаемые взглядами селян, направились к выходу. Там молодая ромала* предложила им погадать, а целая свора цыганят, окружив, стала просить «солдат, дай денюжку!».

Узнать свою судьбу десантники не пожелали, а вместо денег, отсыпали в грязные ладошки пацанят семечек.

– Интересно, чего в мешке? – когда оказались на соседней, выходящей на реку, улице, – спросил Усатов.

Группа остановилась, Сафронов раздернул затянутую тесемкой горловину и присвистнул.

Внутри имелись с розоватыми прожилками, изрядный шмат сала, домашняя, с золотистой корочкой паляница, несколько пупырчатых огурцов и бутылка, заткнутая газетной пробкой.

– Ну вот, кореша, Ванюшка заработал для всех обед! – рассмеялся Легостаев.

– Да чего там, – смущенно отмахнулся Бойко.

По улице ребята спустились к недалекой реке, делавшей в этом месте излучину, прошли по тропинке чуть в сторону и расположились на лужайке, под плакучими ивами.

Там, вынув из кармана складной нож, Андреев нарезал сала с хлебом и огурцов, а Сафронов, откупорил бутылку и понюхал.

– Ну как? – спросили сослуживцы.

– Пахнет ржаным дымком. – На, – протянул Бойко.

Тот взял, запрокинул голову и забулькал горлом.

– Хороша, черт, – выдохнув, утер губы. Бутылка пошла по кругу.

На уровне оказалось и все остальное. Сало было чуть подкопченное и ароматное, ноздреватая паляница* кисловатая, огурцы хрустящие.

После такой еды с выпивкой всех разморило, и парни, сняв сапоги с портянками, вскоре засвистели носами.

На закате они проснулись, ополоснули в холодной воде лица, а потом взяли курс в часть. Увольнение заканчивалось.

В бригаде скоро узнали о происшествии на базаре, и как-то вечером в роту наведалься местный силач из продсклада, сопровождаемый несколькими друзьями.

– Ты что ли Бойко? – поинтересовался он, подойдя к Ивану.

– Ну, я, – кивнул тот лобастой головой. – Чего надо?

– Давай потягаемся на руках, – растопырил тот здоровенную лапу.

Моряк стал было отказываться, но ребята настояли. – Давай, Ваня, покажи марку!

– Ну ладно, – вздохнул Бойко.

Вскоре пара сидела друг против друга за столом в каптерке, кругом сгрудились болельщики.

Противник Ивана был ему под стать, но несколько рыхловатый.

По команде рефери (им выступил Сафронов), атлеты, вплотную сдвинув локти, уцепили друг друга за ладони и стали давить каждый в свою сторону.

Их лица налились краской, оба засопели, а потом рука гостя, дрожа, пошла вниз.

– Есть! – заорал Сафронов, когда она припечаталась к крышке стола. – Ваши не пляшут!

Окружившие стол моряки стали бурно радоваться, а гости, почесывая затылки, удрученно молчали.

– Ты того, не обижайся, – похлопал по плечу расстроенного противника Коля.

Глава 4. Война

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное

сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

(Выступление по радио В.М. Молотова 22 июня 1941 года)

Прошли слякотная осень, за нею морозная зима. Весна выдалась поздней.

Снега растаяли только в апреле, а к маю чуть подсохли дороги.

Все это время бригада вела активную боевую учебу: выброски проводились одна за другой, в составе взвода, роты и батальона. Устроили несколько лыжных кроссов с полной выкладкой, огневые, в том числе, артиллерийские стрельбы.

В самом начале лета, во взводе произошел очередной казус. Теперь с Усатовым и Легостаевым.

На очередном выходе «в поле» они проявили инициативу, попросив лейтенанта Игнатченко разрешить скрытно подобраться к проходящей в километре железнодорожной ветке, по которой обычно перевозили грузы и имитировать подрыв железнодорожного состава. Взрыв-пакетом с бикфордовым шнуром.

Тот немного подумал и согласился.

Действуя по всем канонам, друзья перебежками приблизились к цели, проползли оставшиеся метры по-пластунски и заложили имитатор под рельс. А когда из-за поворота показалась сцепка вагонов, подожгли бикфордов шнур и укрылись поблизости.

– Бах! – звонко хлопнуло через пару минут, состав чуть притормозил, а затем снова набрал ход и покатил дальше.

– Точно под паровозом, – довольно переглянулась пара, вылезла из укрытия и направилась к месту взрыва, желая ознакомиться с результатами.

В следующий момент с другой стороны насыпи выскочили пятеро, в форме НКВД.

Старший, пальнув из нагана вверх, заорал «руки вверх!», а остальные, с винтовками, взяли злоумышленников на прицел.

– Да вы что, товарищи, мы же... – начали было ребята, но их быстро окружили и потолкали прикладами вперед, – попались гады!

Затем, не давая говорить, погрузили в один из вагонов (поезд ждал на полустанке) откуда доставили в Минск. Там, после допроса, оба оказались в карцере, где просидели пять суток. При этом выяснилось, что в составе перевозили заключенных, а десантников охрана приняла за лиц, пытавшихся тех освободить. На шестой день за ними приехали из части.

– Больше мне таких вылазок не проводить, – хмуро сказал энкэвэдэшный майор, выдавая арестантов комбату Полозкову. Тренируйте бойцов в другом месте.

Наказывать друзей за инициативу не стали, но Игнатченко после беседы у комбата, несколько дней ходил грустный и задумчивый.

Шло время, и вся «секретная» двадцатка с нетерпением ждала, когда поступит долгожданный приказ о возвращении ее на флот. За которым все изрядно скучали.

Служба в десантных войсках парням нравилась, но все равно тянуло к морю. Там был простор, боевые корабли и родные экипажи.

За прошедшие месяцы Юрка получил несколько писем от Маши, добрых и теплых. Она сообщала, что после окончания школы будет поступать в Ленинградский медицинский институт, желая стать доктором.

Легостаев о себе писал вскользь, ограничиваясь общими фразами. Больше упирал на то, как они встретятся снова, чтобы никогда не расставаться.

Между тем, обстановка в мире накалялась. Германия захватила Францию, Данию и Норвегию, оккупировала часть Польши и бомбила города Великобритании.

На советско-германской границе то и дело возникали провокации. Политработники бригады регулярно проводили с личным составом политинформации, призывая на них не поддаваться на провокации, а также проявлять бдительность.

В ночь на двадцать второго июня, во взводе многим не спалось.

После ужина, в клубе части крутили популярную картину «Путевка в жизнь», а на воскресенье были назначены спортивные соревнования с участием гражданской молодежи. Среди которой у ребят появились знакомые девушки.

А ровно в четыре тридцать, голос стоявшего дневальным Томилина «Рота подъем! Боевая тревога!», сбросил всех с коек.

Привычно натянув обмундирование и расхватав оружие с противогазами, все заняли свои места в шеренгах на среднем проходе, где уже стоял хмурый Романенко с взводными.

– Всем вниз! – приказал командир роты, и по гулким пролетам задробили солдатские сапоги.

Сначала бригаду выстроили на плацу перед казармами, а затем вывели за территорию части и расположили на опушке леса.

Мучительно тянулись минуты ожидания.

– Кажется война, – прошептал кто-то из ребят, на него цыкнули.

Наконец первая команда старшины Дорошенко, – выделить бойцов для получения боеприпасов, снаряжения и продовольствия!

Бойцов выделили, а из штаба прибыли дневальные, сообщившие, что по боевой тревоге подняты все войска Западного военного округа.

Новость была встречена гробовым молчанием.

А еще через час, батальон в полной боевой экипировке, поротно, лесом двинулся на свой аэродром. Соблюдая скрытность.

На одной из полян его остановили, и комбат Полозков, обратившись к бойцам, сообщил, что фашистская Германия без объявления войны нарушила государственную границу СССР, бомбит города и села. Задача подразделения – сосредоточиться в месте дислокации и ждать дальнейших указаний командования.

Вслед за этим капитан распорядился продолжить движение, и оно возобновилось.

Лес к этому времени уже проснулся. Сквозь кроны высоких сосен пробивались солнечные лучи, в кустах весело трещали сойки, где-то далеко рассыпалась дробь дятла.

На подходе к аэродрому все услышали гул приближающихся с запада самолетов и подняли к небу головы. Те шли на большой высоте, держа курс на восток.

Затем более десятка машин отделились от основной группы и, снижаясь, понеслись в сторону батальона.

Воздух! – заорали в разных местах колонны.

Она тут же привычно рассредоточилась, укрывшись в кюветах и густом подлеске, а самолеты с черными крестами на плоскостях, сделали два захода на аэродром, сбросив туда бомбы.

От взрывов колыхнулась земля, а когда они осели, на том месте за клубился густой дым, и вырвались языки пламени. Аэродрома больше не существовало.

Затем пикировщики, сделав разворот, подвывая моторами, ушли на запад.

– А где же наши истребители, а, ребята? – проводил их недоуменным взглядом Зорин.

– Спроси чего-нибудь полегче, – буркнул в ответ Григорьев.

Когда похоронили убитых на аэродроме, а также оказали помощь раненым, комбат вышел по радиации на связь со штабом бригады, доложив о случившемся.

Оттуда получили приказ следовать на соединение с ней в обусловленное место.

Выслав вперед охранение, батальон двинулся лесом дальше, неся с собой на самодельных носилках раненых. Шли молча и подавлено, осмысливая случившееся.

Через несколько дней в бригаду из корпуса поступила директива Ставки «Для изоляции и уничтожения подвижных частей противника, прорвавшихся от Слуцка на Бобруйск, путем диверсионных нападений на отдельные машины, части и тылы, 214-ю авиадесантную бригаду форсированным маршем на автотранспорте выбросить сегодня же ночью для действия в направлениях на Глушу, Глук и Старые дороги».

Когда наступили сумерки, бригада, оставив место временной дислокации, погрузилась на автомашины и скрытно двинулась по указанным маршрутам. Тихо урчали грузовики с затененными фарами, за которыми на конной тяге следовала артиллерия.

Спустя некоторое время каждый батальон взял свое направление и исчез во тьме. Дорога опустела.

На утренней заре, в редящем тумане, рота старшего лейтенанта Романенко, загнав свои ЗИС-5 в березовую рощу, устроила засаду перед мостом через реку, на выезде из райцентра Глук.

Слева тянулись густые кусты верболоза, а справа, за дорогой, зеленело овсяное, с цветущими васильками поле, заканчивающееся у далекой опушки.

Мост заминировали, и десантники укрылись в кустарнике на подходе. По другую же сторону, у кромки поля за мостом, Романенко приказал установить ручной пулемет с самим метким расчетом.

Примерно через час, со стороны райцентра, по дороге запыхала колонна.

Впереди следовал пятнистый бронетранспортер, за ним три мотоцикла с колясками, а следом двигались четыре тупорылых грузовика, полные солдат. На одном весело пиликала гармошка.

– Давай, – прошептал командир роты, лежавшему рядом Дорошенко, как только бронетранспортер въехал на мост.

Тот крутанул ручку взрывной машинки, через секунду на мосту гулко ухнуло, и тяжелая машина опрокинулась в воду вверх колесами.

Когда вниз еще летели обломки досок с бревнами, из засады по колонне ударили шквальным огнем «дегтяревы» с ППД и винтовки.

– Алярм!! – посыпались из кузовов немцы.

В ответ полетели гранаты, вверх плеснула серия разрывов.

Через несколько минут все было кончено.

Раскуроченные грузовики вонюче дымились на дороге, кругом валялись трупы захватчиков, а пулемет из-за моста добивал короткими очередями, убежавших в поле.

Один из мотоциклов остался цел (его прихватили с собой, выкинув из люльки убитого офицера), с двух других сняли пулеметы и полные канистры, вслед за чем рота быстро отошла в рощу.

Спустя короткое время она удалялась на грузовиках по проселку. Впереди урчал трофейный «Цундап», за рулем которого восседал старшина, а в люлке покачивался Романенко.

– Ну и дали мы гадам, – сказал в кузове следующего за командиром ЗИСа, хрустящий галетой Зорин.

– И еще дадим, подбросив в руке трофейный «вальтер», – харкнул за борт Шаулин.

Отъехав от места засады, где рота не потеряла ни одного человека, километров десять, подразделение остановилось в молодом ельнике.

Там командир вылез из коляски, приказав выставить боевое охранение и отдыхать, а сам, позвав взводных, открыл планшетку и извлек оттуда карту.

Пока офицеры совещались, намечая план дальнейших действий, бойцы расположились у машин.

Одни тут же задымили махоркой, другие стали обсуждать первый бой, а Андреев с Книжниковым и Плюшкин, с интересом осматривали захваченные пулеметы. В бригаде изучали оружие вероятного противника, и парни знали, что те называются МГ-34.

Ухватистые, с пластмассовыми пистолетными рукоятками и семидесяти пяти зарядными барабанами, они производили впечатление.

– Да, этот будет посерьезнее нашего «дегтяря», – хлопнул по ствольной коробке одного, Плюшкин.

– Скоро увидим, – щелкнул сошками другого, Книжников.

По прошествии часа, наметив с взводными маршрут, Романенко дал сигнал к отправке.

Все быстро погрузились в машины, и в том же порядке последовали дальше.

С проселка короткая колонна свернула на более широкую дорогу, потом машины спустились в долину, переехав вброд мелкую речушку, и через некоторое время остановились на невысоком песчаном склоне, поросшим вековым бором. За ним виднелся исчезающий за поворотом, широкий тракт.

Машины снова укрыли под деревьями, личный состав рядом, а Романенко выслал на тракт разведку из трех человек, во главе со старшим сержантом.

Вскоре она вернулась, и сержант доложил, что сразу за поворотом стоит немецкий Т-4. У него возьмется трое танкистов, а еще два играют в карты.

– Танк говоришь? – прищурился старший лейтенант. – Вот его-то нам и надо.

После этого оставив за старшего командира первого взвода Яковлева, прихватил с собой старшину Дорошенко, а вместе с ним Бойко, Сафронова и Легостаева, к которым благоволил, после чего группа поспешила в сторону тракта.

Несколько позже она лежала в высокой осоке за поворотом, метрах в ста от танка.

В карты рядом с машиной никто не играл, экипаж в черных комбинезонах, натягивал тросом на катки лопнувшую гусеницу. Уходившая вперед на несколько километров дорога была пуста, в небе беззаботно кувыркался жаворонок.

– Значит так, – обзрев все в бинокль, сунул его за пазуху Романенко. – Мы со старшиной выдвигаемся вперед и расстреливаем танкистов, остальные на подстраховке.

Далее, пара неслышно поползла вперед и исчезла. На щеку Юрки, зудя, уселся комар, он тихо выругался.

Спустя некоторое время тишину нарушил стрекот очередей, десантники, вскочив, бросились вперед, с оружием наизготовку.

Когда подбежали, все было кончено.

Пятеро, подплывая кровью, валялись на земле, лейтенант со старшиной стояли рядом.

– Осмотреть машину, – утер пот со лба Романенко.

Внутри танка оказалось пусто, на внешних креплениях висели пять канистр с горючим, а сзади башни была привязана здоровенная опаленная свинья.

– Хорошая огневая точка, – обошел машину старший лейтенант. – Жаль, артиллеристов у нас нет, – похлопал ладонью по броне.

– Почему нет? – ответил Сафронов. – Я в прошлом комендор главного калибра, служил на крейсере. Для меня эта пукалка – семечки (кивнул на танковое орудие).

– Я тоже могу, – добавил Легостаев.

– Вот как? – вскинул брови ротный и тут же принял решение.

Сафронова с остальными моряками посадить в машину, а роте скрытно выдвинуться к тракту.

– Давай, Василь Иваныч к Яковлеву, – приказал он Дорошенко. – Пускай залягут на опушке, я скоро буду. И еще, пришли нескольких ребят. Нужно забрать горючее со свиньей. Они нам пригодятся.

– Понял, – выдохнул старшина и шустро порысил к бору.

Спустя полчаса все было готово.

Убитых немцев оттащили в кювет, трофеи в свои ЗИСы; новый экипаж танка (к нему добавили Усатова), занял свои места, а рота укрылась в засаде.

Оговорили необходимые сигналы.

При появлении на тракте врага, танк первым открывает по нему огонь из пушки с пулеметами, а затем, с фланга, в дело вступает рота. Красная ракета – отход на исходную позицию.

Когда все исчезли, оставшиеся в машине захлопнули верхний люк и начали осваиваться. Сафронов с Легостаевым, заняв места наводчика с заряжающим, быстро разобрались с орудием, а Бойко с Усатовым устроились у пулеметов, оказавшимися уже знакомыми МГ.

Затем Иван обнаружил небольшую картонную коробку с продуктами (в ней был кирпич хлеба в фольге, палка копченой колбасы и полголовки сыра).

– Щас подрубаем, – довольно прогудел он. – С утра не жрамши.

После чего достал из голенища сапога кинжал и разделил все поровну.

Хлеб ребятам не понравился – был черствым и отдавал химией, а колбаса с сыром оказались вкусными.

Подкрепившись, все хлебнули воды из фляг, захотелось покурить, но не стали.

В тесном пространстве было и так душно.

– А как вам после того, как мы перебили немцев у моста? – чуть помолчав, спросил Бойко. – Не тошно?

– Туда им и дорога, тварям, – жестко ответил Легостаев. – Нашли то, что искали.

– Не мы их, так они нас, – хмуро добавил Усатов.

Прошел час, время близилось к полудню, на пустынном тракте никто не появлялся.

Наконец, далеко впереди, возникло пыльное облако.

– Идут! – первым заметил его Сафронов, наблюдавший в оптику.

Вскоре из облака показалась длинная вереница грузовиков, с сидящей в кузовах пехотой.

– Не меньше батальона, – сглотнул слюну Бойко.

– Юра, заряжай, – тихо сказал Сафронов.

Легостаев дослал в казенник снаряд, а наводчик приник к прицелу.

Когда первый грузовик приблизился на триста метров, он чуть шевельнул ствол и нажал кнопку.

Внутри оглушительно громыхнуло, в ушах возник звон, головную машину разнесло в клочья.

А по колонне уже били танковые пулеметы, к ним присоединились с фланга ротные.

На дороге начался ад.

Грузовики съезжали с дороги в поле, с них сыпались солдаты, а танк бил по ним, не переставая. Факелами вспыхнули еще три машины, поле усеялось неподвижными телами. Оставшиеся в живых залегли в кювете и хаотично отстреливались.

Когда боезапас был использован наполовину, в той стороне, где залегла рота, стали рваться мины, а из огня с дымом выползла самоходка и ударила по танку. Снаряд скрежетнул по броне, машину слегка трянуло.

В следующую минуту, впереди на фланге, вверх взлетела красная ракета.

– Рвем когти! – заорал чумазый Сафронов, открывая верхний люк.

Один за другим, десантники выбрались из машины и, спрыгнув наземь, припустили к бору. Через короткое время позади рвануло (Усатов на бегу оглянулся). Их огневая точка горела, окутываясь чадным дымом.

Когда группа, загнанно хрипя и отхаркиваясь от пороховых газов, достигла бора, рота завершала погрузку.

– Все целы? – встретил «танкистов» потный Игнатченко. – Быстро в машину!

Ребята один за другим перевалились в кузов последней, ЗИСы вслед за мотоциклом тронулись с места.

На ночевку остановились спустя полтора часа, в заброшенном песчаном карьере. Он был хорошо укрыт от посторонних глаз, но вверху командир роты приказал выставить охранение.

Для начала, под росшим на склоне вековым дубом, похоронили двух убитых в бою десантников из первого взвода. Одним был Тенгиз Кобуа, родом из Сухуми, а вторым – дальневосточник Саша Цветков. Ротный запевала.

У изголовий могилок вбили два тонких березовых ствола с фанерками. На которых химическим карандашом значились фамилии ребят, с датой смерти.

Склонив головы, их товарищи стояли рядом с зажатými в кулаках пилотками, а потом вперед вышел Романенко и сказал всего две фразы.

«Вы погибли, как герои, в бою с врагом. Мы отомстим за вас ребята».

Потом все разошлись и занялись текущими делами.

Одни разожгли два жарких, бездымных костра из сухого, набранного в лесу валежника, другие, под руководством Дорошенко, разделали и зажарили трофейную свинью на углях, часть которой десантники употребили на ужин.

После, все, кроме часовых, спали до утра, завернувшись в плащ-палатки, а на восходе солнца, заправив баки горючим, рота двигалась к очередной цели.

Ею оказалась группа военнопленных, которую немцы гнали по проселочной дороге на запад.

Их обнаружил подвижный дозор, при очередной стоянке.

Около сотни понурых красноармейцев, среди которых имелись раненые, конвоировали пятнадцать автоматчиков. Впереди, на рослом жеребце, в седле покачивался офицер, за колонной громыхали две, чем-то груженные телеги.

Время от времени со стороны колонны доносились хриплые крики «шнель!» и «русиш швайн!» под которые фашисты толкали прикладами и пинали сапогами отстававших.

Романенко тут же принял решение.

Два взвода скрытно выдвинулись вперед и залегли в пересохшем болотце, меж кочек по обе стороны дороги, а впереди был выставлен заслон.

– Бить по охране, после меня, – приказал командир роты. – А затем сразу в атаку.

Когда, шаркая ногами, группа вошла в сектор обстрела, лейтенант за кустом лещины вскинул к плечу взятую у бойца винтовку, хлестнул выстрел.

Офицер, взмахнув руками, повалился с коня, тишина взорвалась двумя залпами, а потом с обеих сторон, на дорогу вынеслись десантники. Оставшихся в живых конвоиров добились прикладами и ножами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.